

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 52

1984

Сало ФЛОР

**ЧАСЫ
НЕ ОСТАНОВЛЕНЫ**

М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 52

Сало ФЛОР

**ЧАСЫ
НЕ ОСТАНОВЛЕНЫ**

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1984

Сало ФЛОР
(1908—1983)

Выдающийся гроссмейстер, страстный пропагандист и популяризатор шахмат, авторитетный международный арбитр — таким запомнили любители древней игры Саломона Михайловича Флора.

С. М. Флор родился 21 ноября 1908 г. в Чехословакии. Его первые шахматные успехи относятся к 1928—1929 гг. Тогда же он получает возможность выезжать на крупные международные турниры в качестве корреспондента пражских газет.

С 1930 по 1939 г. С. М. Флор участвует в 35 различных международных турнирах, в 19 из которых становится победителем, а в 9 — входит в тройку призеров. В этот же период он сыграл 10 матчей — и 8 из них выиграл, а два закончились вничью — с М. Эйве и М. Ботвинником. За эти успехи ФИДЕ на своем Конгрессе 1937 года в Стокгольме назвала Сало Флора первым претендентом на матч с чемпионом мира.

Оккупация Чехословакии фашистами вынуждает С. М. Флора покинуть родину. С 1942 г. он был гражданином СССР.

Участвуя в чемпионатах страны, международных турнирах и матчах, С. М. Флор демонстрировал образцы неувядающего мастерства, передавал свой богатейший практический опыт новым поколениям советских шахматистов.

Будучи более 30 лет шахматным обозревателем «Огонька», С. М. Флор снискал себе любовь и уважение читателей. Его публикации отличались исторической подлинностью, глубокими оценками, доброй иронией. Именно С. М. Флор ближе познакомил нас с Э. Ласкером, Х. Р. Капабланкой, А. Алехиным, М. Эйве, С. Тартаковером и другими выдающимися шахматистами.

В настоящее издание вошли некоторые из его публикаций разных лет.

СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПОЛУВЕКА

Шахматная история, как и любая другая, имеет одно характерное свойство: она повторяется. Как раз в те дни, когда шахматисты всех стран и континентов отмечали 50-летие матча на первенство мира между Хосе Раулем Капабланкой и Александром Алехиным, Международная шахматная федерация утвердила условия матчей на первенство мира. В основу условий был положен принцип безлимитной борьбы, который был применен полвека назад.

Матч Алехин — Капабланка игрался до шести побед, без учета ничьих, и на таких же условиях согласился играть и нынешний чемпион мира Анатолий Карпов. Тем больший интерес теперь представляет для нас шахматное сражение полувековой давности. Как оно протекало? С какими проблемами столкнулись тогда шахматисты? Как развивался шахматный марафон?

Перенесемся же в 1927 год, но предположим этому увлекательному путешествию небольшое предисловие.

Эмануил Ласкер, не уступавший никому шахматного трона в течение 27 лет, в 1921 году потерял свое звание после встречи с Хосе Раулем Капабланкой. Этот матч был рассчитан на 30 партий, но при счете 4:0 в пользу Капабланки и при десяти ничьих Ласкер сдался. Как он писал впоследствии в своей книге о матче, на него отрицательно повлиял тропический климат Гаваны, но при этом Ласкер нисколько не умаляя победы Капабланки и дал новому чемпиону мира весьма лестную характеристику. «Стиль Капабланки,— писал Ласкер,— кристально чистый, отличается железной логикой, точностью. Он предельно практический, находчивый, энергичный. Глубина игры Капабланки — это глубина не математика и не поэта,— он всегда предпочитает ясность позиций». Игра Капабланки произвела на Ласкера сильное впечатление, но, задавая вопрос, является ли Капабланка идеальным чемпионом мира, Ласкер заявил, что стиль Капабланки может привести к ничейной смерти шахмат. Это было обоснованное опасение, и не случайно сам Капабланка считал, что при желании может свести любую партию вничью. Опасаясь ничейной

смерти шахмат, Капабланка предлагал провести реформу, например, сделать доску не 64-клеточной, а стоклеточной.

Кто возьмет верх, шахматный автомат или творец? Такой вопрос тогда дебатировался довольно широко. Неужели не появится талант, который докажет, что шахматам не угрожает ничейная смерть, что древняя игра неисчерпаема в своих творческих возможностях?

И такой талант появился. Им был русский шахматист Александр Алехин. Алехин много лет готовился к борьбе на первенство мира, внимательнейшим образом изучал все партии Капабланки, но на пути к матчу возникло много препятствий. Требовалось доказать, что не кто другой, а именно Алехин имеет право вызвать чемпиона и, что было особенно трудным, — получить согласие Капабланки. В те далекие времена чемпион мира был в буквальном смысле этого слова диктатором: играю, с кем хочу.

Спрашивается, а где же была шахматная общественность, где была Международная федерация шахмат — ФИДЕ? Какая там ФИДЕ! ФИДЕ возникла только в 1924 году и при Капабланке и даже позже, при Алехине, не имела почти никакого влияния. Авторитет ФИДЕ возрос лишь после вступления в эту организацию советских шахматистов, а это произошло в 1947 году.

Претворить в жизнь свою мечту Алехину было крайне трудно еще и по материальным причинам. Ему надо было собрать десять тысяч долларов — такой призовой фонд назначил Капабланка. Сегодня, когда шахматы переживают поистине золотой век, трудно поверить, что Алехин не мог собрать десяти тысяч долларов. Ведь он был уже известнейшим шахматистом в 1914 году, выигрывал турнир за турниром.

Только в 1926 году Алехину удалось наконец собрать призовой фонд, и вот он отправился в Южную Америку для того, чтобы окончательно договориться о проведении матча. Согласие организовать матч в 1927 году дала Аргентина, но тогда палки в колеса стал ставить Капабланка. Он вдруг вспомнил, что Алехин ни разу у него не выигрывал. Да и у Ласкера тоже. Поэтому Капабланка предложил сначала организовать отборочное соревнование. Таким экзаменом для Алехина стал турнир в Нью-Йорке, на котором Алехин по условиям, выдвинутым Капабланкой, должен был занять по крайней мере второе место. И Алехин выполнил это условие: первое место занял Капабланка, вторым был он. После этого Капабланке деваться было уже некуда, и начало матча в Буэнос-Айресе было назначено на 15 сентября.

С тех пор прошло ровно полвека, но изучать творческий урожай этого матча шахматисты будут всегда.

Если бы Алехин придавал какое-нибудь значение прогнозам, то он покинул бы Париж, отправляясь в Аргентину, в самом пессимистическом настроении. Только Эмануил Ласкер высказал мнение, что Александр Алехин имеет шансы на успех.

Весь шахматный мир слепо верил в непобедимость Капабланки. Что же касается самого Алехина, то он настолько сохранил чувство юмора, что, отвечая на вопрос журналиста: «На что вы надеетесь, еще ни разу не победив Капабланку?» — сказал: «Я действительно с трудом себе представляю, что сумею выиграть шесть партий у Капабланки, но, с другой стороны, не представляю себе, как сможет Капабланка выиграть шесть партий у меня».

И вот два сильнейших шахматиста мира уселись за столики в отдельной комнате со стеклянными дверьми. По условиям матча в этой комнате имели право находиться только арбитр и два свидетеля (так назывались тогда секунданты). И после первой же партии весь мир облетело сенсационное сообщение: Алехин выиграл!

Но первая победа, конечно, не могла сразу же развеять легенду о непобедимости Капабланки. Многие объясняли его неудачу тем, что вопреки своим дебютным принципам Капабланка начал партию ходом королевской пешки, в то время как обычно начинал с ферзевой. Чем можно объяснить такое решение? Пожалуй, тем, что Капабланка с первой же партии попытался бороться с Алехиным его же оружием. Ведь королевская пешка была любимой пешкой Алехина (так же, как впоследствии она стала любимой пешкой у В. Смислова, М. Таля, Р. Фишера и А. Карпова). Но так или иначе эта первая победа над Капабланкой имела для Алехина первостепенное значение, хотя он и понимал, что победа эта не решает исход всего матча. Уже в третьей партии Капабланка сравнял счет, а в седьмой даже захватил лидерство (единственный раз во всем матче).

Казалось, что матч развивается по прогнозам большинства, что «автомат» в первой партии чуточку испортился, но теперь снова действует безукоризненно четко. Но это было ошибочное мнение. Оба гроссмейстера играли с огромным рвением, и вскоре всем стало ясно, что борьба предстоит исключительно упорная и будет проходить на равных. Капабланка всегда обладал изумительной интуицией, тончайшим чутьем, и эти свои качества он вполне проявил в седьмой партии матча.

Настоящим шедевром Алехина стала 11-я партия. Дело не только в том, что он уравнил счет, а каким образом он это сделал. Капабланка за всю шахматную карьеру не получал ни разу мат, да еще при четырех ферзях на доске. Эта партия стала одной из самых знаменитых творческих удач Алехина и произвела сильнейшее впечатление на Капабланку. Ему было суждено в этом матче добиться победы всего еще в одной партии.

Моральный и психологический эффект победы Алехина в 11-й партии сказался и в следующем: Капабланка, играя белыми, потерпел второе поражение подряд, и инициативу окончательно захватил его соперник. А при счете 3:2 в пользу Алехина началась серия ничьих. Их было восемь.

Шахматный мир тогда обсуждал один вопрос: кто больше виноват в этой серии — Капабланка или Алехин? Оба попали под огонь критиков. В газетах того времени неоднократно печатались карикатуры, в которых оба чемпиона имели длинные бороды — символ того, что матч будет длиться до их глубокой старости.

Но кто же был виноват? Никто! Гроссмейстер Р. Рети после окончания матча заявил, что в матче такого напряжения ничьих могло быть и значительно больше. Среди этих восьми ничейных партий есть, разумеется, и очень спокойные и боевые, в которых одна из сторон оказывалась на грани поражения. Такой, например, партией для Алехина была двадцатая. Но так или иначе возникновение этой серии надо объяснить тем, что при счете 2:3 Капабланка решил проявить некоторую осторожность и не форсировать событий, а Алехин ждал своего следующего счастливого шанса.

В статье перед матчем Капабланка дал такую характеристику Алехину: это человек большой культуры, он владеет шестью языками, у него невероятно хорошая память, и вполне возможно, что он знает все шахматные партии наизусть. Но для матчевой борьбы ему не хватает темперамента, решительности, и, кроме того, Алехин очень нервный человек, и это может сказаться на его игре.

Капабланка неправильно оценил шахматный характер Алехина. Нерешительность? Нет! Он, бесспорно, обладал смелостью и последовательностью в своих действиях. И единственно, в чем Капабланка был прав, это в том, что нервная система Алехина была в напряженном состоянии. Но если Капабланка надеялся, что сможет вывести Алехина из равновесия или взять его на измор, то он очень заблуждался.

Капабланке удалось взять на измор Ласкера, но в этом ему помог не только тропический климат Кубы, но и, несомненно, возраст маститого чемпиона мира: Капабланке во время матча с Ласкером было 33 года, а Ласкеру на двадцать лет больше. Взять на измор Алехина Капабланке не удалось. Это было не менее трудно, чем теперь взять на измор нынешнего чемпиона мира Анатолия Карпова. Когда в 1975 году Роберт Фишер настаивал на том, чтобы матч с Карповым игрался до десяти выигрышей, Анатолий Карпов и на это был согласен и заявил: «Если Фишер думает взять меня на измор, то мы еще посмотрим, кто кого!»

Серия из восьми ничьих вызвала недовольство шахматного мира, но сегодня никто не станет иронизировать над гроссмейстерами, если в матче возникнет ничейная серия, ведь теперь выиграть стало значительно труднее, чем это было во времена Алехина и Капабланки, потому что техника защиты стала неизмеримо выше. В матчах 1963 и 1966 годов были зарегистрированы серии из шести ничьих, а в 1972 году соперники не смогли избежать серии из семи ничьих. Но рекорд Капабланки и Алехина никому побить не удалось.

Однако вернемся в Буэнос-Айрес 1927 года. Нервы Алехина прекрасно выдержали напряжение долгой борьбы, и в 21-й партии ему, наконец, удалось прервать ничейную серию и одержать свою четвертую победу. И снова в грандиозном стиле. После этого счет стал 4:2 в пользу Алехина, но до победы было еще далеко. Надо отдать должное несокрушимой выдержке, стальным нервам Капабланки. При таком катастрофическом положении он в следующих партиях хладнокровно отражал натиск играющего с огромным подъемом Алехина, и шахматный мир стал свидетелем новой ничейной серии, на этот раз состоящей из семи партий. А в 27-й партии казалось, что Капабланка уже имеет очко в кармане, но в последний момент он допустил решающую ошибку в этом матче: «зевнул» вечный шах. Даже после этой неудачи Капабланка не утратил своих боевых качеств и в 29-й партии добился третьей победы. Напряжение достигло предела, весь мир буквально наэлектризован. Чем закончится эта грандиозная шахматная битва? И когда она кончится? Многие считали, что еще очень не скоро. Но развязка наступила довольно быстро. После 32-й партии Алехин довел число выигранных партий до пяти, и в 33-й партии кубинский феномен был уже сломен: он согласился на ничью после 18-го хода.

И вот наступил финал: 34-я партия. Капабланка мужественно защищается, и партия продолжается три дня. Техника Капабланки всегда считалась непревзойденной, но в этой партии Алехин показал, что и в техническом отношении он нисколько не уступает своему великому партнеру. Задача стояла перед ним исключительно сложная: в тяжелофигурном эндшпиле реализовать лишнюю пешку. Когда после 82-го хода партия была снова отложена, Капабланка, покидая клуб, сказал: «Думаю, что Алехин выигрывает». На следующий день, не явившись на игру, Капабланка отправил письмо, в котором поздравил Алехина со званием чемпиона мира.

Итак, исход матча — 6:3 при 25 ничьих.

Эмануил Ласкер заявил: «Выигрыш Алехина является победой непреклонного борца над умом, избегающим всего неясного». Р. Рети высказался так: «В выигранных Алехиным партиях под ледяным покровом современной техники ярко горит страстное искание новых путей».

Все с надеждой ждали матча-реванша между Алехиным и Капабланкой. Но этот реванш не состоялся. Еще до начала матча в Буэнос-Айресе между гроссмейстерами пробежала, как говорится, черная кошка, а после окончания матча отношения между ними еще больше испортились. Много лет они вели между собой бумажную борьбу и о матче-реванше договориться не смогли. В 1942 году умер Капабланка, через четыре года — Алехин. И тому и другому было 53 года.

После смерти Капабланки Алехин заявил: «В шахматной истории нет и не было шахматиста, равного по таланту великому Капабланке». Но мы-то знаем теперь, что сам Алехин превзошел своего великого соперника.

* *
*

Сколько же времени продолжался марафон в Буэнос-Айресе? Не так уж долго, как казалось полвека тому назад: всего 74 дня. По регламенту Алехин и Капабланка имели право потребовать всего лишь три дня для отдыха или в случае болезни. Но этими тайм-аутами никто из них не воспользовался. Алехин во время матча удалил шесть зубов, но продолжал сражаться и после окончания борьбы шутил: «Ничего, ничего, за каждый вырванный зуб я вырвал у Капабланки одну победу».

После матча Алехин — Капабланка мы были свидетелями многих матчей в борьбе за первенство мира. На шахматный трон в разное время поднимались Макс Эйве, Михаил Ботвинник, Василий Смыслов, Михаил Таль, Тигран Петросян, Роберт Фишер, Анатолий Карпов. Применялись самые разные системы для определения чемпиона мира, игрались матчи из 30 партий, чаще всего из 24, причем чемпион мира в случае ничейного исхода сохранял за собой звание, а в случае поражения имел право на матч-реванш.

Хотя ФИДЕ взяла сложный вопрос розыгрыша первенства мира в свои руки, эти руки неоднократно оказывались недостаточно крепкими. Право чемпиона мира на матч-реванш было отменено в 1962 году*. Неоднократно изменялся порядок выявления претендентов на встречу с чемпионом мира. Но особенно большие трудности испытывало руководство ФИДЕ, когда Р. Фишер, став в позу диктатора, настаивал на том, чтобы играть безлимитный матч до 10 побед и при счете 9:9 считать, что он сохраняет титул чемпиона мира.

И вот теперь руководство ФИДЕ вернулось к системе 1927 года: игра до 6 побед. Анатолий Карпов, присутствовавший на заседании руководства ФИДЕ в Каракасе, не возражал против таких условий. Из всех возможных предложений Карпов не согласился бы лишь на одно — играть безлимитный матч до 10 побед, потому что такая дистанция могла бы повредить здоровью участников матча. Но ФИДЕ и не предлагала такие вредные условия. Анатолий Карпов согласен был играть матч из 24 партий (по Ботвиннику) или даже из 30, но поскольку большинство делегатов были за безлимитный матч до 6 выигранных партий, то Карпов и на это предложение согласился, тем самым доказав, что он является уступчивым, лояльным чемпионом мира.

* Восстановлено в 1977 году. — Прим. сост.

А почему ФИДЕ снова вернулась к правилу о матче-реванше? Это условие вполне логично при безлимитном матче, поскольку Карпов отказался от традиционного права чемпиона при ничьей сохранять титул. Вот он и потребовал реванша в случае поражения, но при этом сказал, что постарается обойтись без реванша...

1977 г.

МОИ ЛАСКЕР

Молодым корреспондентом пражских газет я впервые попал в Берлин в октябре 1928 года. Пульс мой сильно бился, когда я приближался к столице Германии. Еще бы! Вот-вот я увижу участников турнира — живых Капабланку, Нимцовича, Шпильмана, Рубинштейна, Рети, Маршалла, Тартаковера! А если мне особенно повезет, может быть, в качестве зрителя на турнир зайдет доктор Ласкер, житель Берлина.

Не теряя времени, я поспешил в кафе «Кёниг» на Унтер ден Линден и узнал всех гроссмейстеров по их фотографиям. Вот они, о которых я только читал! Я был предельно счастлив и полон впечатлений о первом вечере в Берлине. Но среди зрителей Ласкера не было. Говорили, что он меньше стал интересоваться шахматами, увлекается бриджем и го, что он обычно посещает другое берлинское кафе. Поздно вечером, а если хотите поздно ночью, я нашел это кафе (кажется, «Триумф»), где и в самом деле был Эмануил Ласкер. Он играл в бридж. Очень поздно игра окончилась, и мне каким-то образом удалось примкнуть к небольшой группе людей, которые пешком провожали гроссмейстера до его дома. Про шахматы говорили совсем мало, больше про бридж, скат и го. Я молчал и даже не беспокоил Ласкера вопросами, которые вообще-то как корреспондент обязан задавать чемпиону. Просто был счастлив, что иду по Берлину рядом с великим человеком. Правда, мое счастье слегка омрачилось, когда настало время идти спать. А собственно говоря, где я живу? При мысли о скором свидании со всеми обожаемыми мною шахматными героями я быстро взял номер в гостинице и даже не запомнил ее название и адрес! Пришлось зайти в полицию. Там на меня смотрели с удивлением. Но убедившись, что я совершенно нормален и посмеявшись над моим увлечением шахматами, сотрудники полиции по телефону узнали название гостиницы, в которой я прописался и оставил чемодан.

Несколькими годами позже я провожал Ласкера в гостиницу «Палас» в Праге. Это было после сеанса одновременной игры, который затянулся до утра. Ласкер был очень спокойным и выдержанным

человеком. Он не торопился в жизни, не торопился в шахматах. Даже в сеансе любил поразмышлять. В Праге во время сеанса он вдруг попросил кресло: это интересная позиция, надо подумать! Неудивительно, что этот сеанс против сильных шахматистов так затянулся.

1934 год. Впервые в своей практике я играю с Ласкером на турнире в Цюрихе. Отлично еще играл Ласкер, хотя не имел почти никакой практики! На всю жизнь мне запомнилась партия Алехин — Ласкер, партия, в которой великий Алехин впервые в своей жизни победил великого Ласкера. Блестящая партия! Но еще больше мне запомнилось выступление Алехина на банкете. Крупнейший шахматист всех времен сказал: «Эмануил Ласкер был моим учителем. Без него я не был бы тем, кем я стал. Нельзя представить себе шахматное искусство без Ласкера».

Москва. 1935 год. Это особенно яркая страница в славной шахматной карьере Ласкера. Подумайте только: человек в 67 (!) лет сражается в турнире с 20 участниками, с гроссмейстерами Запада и с сильнейшими советскими шахматистами во главе с Ботвинником. И что же? Никому не удается победить Ласкера! Хорошо, что турнир был «только» из 19 туров, а то бы старый чемпион Ласкер еще обогнал бы и молодого чемпиона СССР М. Ботвинника и С. Флора, о котором тогда говорили, что он хорошо играет в шахматы.

Ласкер был очень здоровый человек, несмотря на то, что много курил и, как правило, поздно ложился спать. Да он, собственно говоря, по строгому спортивному режиму никогда и не жил. Но свои силы умел беречь и умел хорошо отдыхать.

Москвичи, люди старшего поколения, побывавшие на московских турнирах в 1935 и 1936 годах, помнят не только Эмануила Ласкера, но и его верную спутницу жизни фрау Марту Ласкер. Она обычно сидела среди зрителей или за кулисами сцены и вязала. Это была очаровательная пара. После смерти Ласкера фрау Марта писала так: «Шахматный мир потерял много — я потеряла все!»

В Ноттингеме состоялась наша последняя партия с Ласкером. В турнире, где 68-летний экс-чемпион победил тогдашнего чемпиона мира Макса Эйве и стал наравне со мной на 7—8 местах.

Автор турнирного сборника Александр Алехин так писал о Ласкере 1936 года: «Я считаю для себя почти невозможным критиковать Ласкера — так велико мое восхищение им как личностью, художником и шахматным мыслителем. Я могу только установить, что Ласкер в 68 лет благодаря своей молодой энергии, воле к победе и невероятно глубокой трактовке вопросов шахматной борьбы остается все тем же Ласкером если не как практический игрок, то как шахматный мыслитель. Ласкер должен служить примером для всех шахматистов как нынешнего, так и будущих поколений».

Ласкер был желанным гостем на любом континенте. Много друзей

у него было и в Голландии. Там я встречался с ним неоднократно, например, в конце матча на первенство мира Алехин — Эйве. Не всем известно, как возник конфликт между организаторами матча и Алехиным. Разумеется, во время матча Алехин пользовался гостеприимством голландцев. Что такое полное гостеприимство? Пить и есть. Пить можно простую воду, минеральную и... что-нибудь покрепче. Кушать можно скромно и можно заказать еду подороже. Голландцы были неприятно удивлены, получив крупный счет за напитки и икру. Хозяева считали, что они не обязаны оплачивать этот счет Алехина. На счастье конфликтующих сторон в Амстердаме находился Ласкер. Голландцы заявили, что они поступят так, как скажет доктор Ласкер.

— Скажите, пожалуйста, уважаемый доктор, обязаны ли мы уплатить за напитки и икру Алехина?

Доктор Ласкер ответил: «Дайте мне немного подумать». Экс-чемпион взял сигару, закурил и, немного подумав, принял следующее соломоново решение:

— Видите ли, господа, Алехин формально является французом, ибо у него в кармане французский паспорт, но в душе, по своему характеру, Алехин русский человек. Как всякий русский он привык иногда выпить рюмочку и имеет привычку кушать икру. Поэтому, я считаю, вы должны оплатить счет Алехина в гостинице «Карлтон». Решение мудрого Ласкера, который пользовался большим авторитетом, было окончательным и обжалованию не подлежало.

Жил Ласкер в интересное, но совсем неспокойное время. Не говоря о том, что он несколько десятилетий боролся за шахматной доской, Ласкеру пришлось пережить много тяжелого: войны, инфляцию. Затем последовало самое страшное и мрачное — к власти в Германии пришел Гитлер. Ласкер — математик, мыслитель, философ, крупнейший шахматист — вынужден был покинуть свою родину. Последние годы жизни он прожил на чемоданах: в Европе снова вспыхнула мировая война. Новые трудности, новые заботы. Сердце Ласкера не выдержало. Оно остановилось...

Когда думаешь об Эмануиле Ласкере, перед тобой встает замечательный образ. Мы всегда ловили каждое слово, сказанное этим необычным, умнейшим человеком. Если бы Ласкер не был таким большим мыслителем, вряд ли бы Альберт Эйнштейн написал предисловие к книге о творчестве Ласкера.

Эмануил Ласкер заставил мир уважать шахматы и его мастеров. Всю жизнь боролся он за то, чтобы считать шахматы общественно полезным делом, а не простой игрой.

Имя его сверкало вчера, сверкает сегодня и будет сверкать до тех пор, пока не перестанут играть в шахматы.

1968 г.

ИЗ МОСКВЫ В ГАСТИНГС *

Из всех турниров и матчей, в которых я играл под чехословацким флагом, я считаю наименее значительным мой матч с чемпионом СССР Ботвинником. Этот матч состоялся на основе моего вызова Ботвиннику и при активном содействии советника полпрества Ильина-Женевского. После 14-дневных переговоров 25 ноября 1933 г. я выехал в Москву. Уже на русской границе, в Негорелом, меня ожидал посланный русской шахматной организацией сопровождающий с переводчиком, который передал мне привет от имени миллиона организованных русских шахматистов. На московском вокзале меня весьма горячо встретили члены советской шахматной организации и журналисты. Я был помещен в отеле «Националь». Там же проживал и мой противник — Ботвинник.

После обеда я предпринял большую круговую поездку по городу. Везу я заметил большое строительство, в особенности подземной железной дороги, так что, очевидно, по истечении каких-нибудь двух лет внешний вид города будет совершенно иной. Посетил я также спортивный стадион на 80 тысяч зрителей. Уличное движение чрезвычайно живо, трамваи переполнены, зато автомобилей сравнительно мало. Вечером город, а также некоторые строения, в особенности Кремль, освещены и выглядят еще эффектнее. Кроме кино и театров, в которых при каждом моем посещении места были распроданы, общественная жизнь сосредоточена в клубах. Все крупные заводы имеют самостоятельные рабочие клубы с бесчисленным количеством разных комнат. В каждом клубе я находил шахматную комнату, где всегда усердно играли в шахматы.

На второй день после моего приезда был начат матч с Ботвинником. Играли в огромном Колонном зале профессиональных организаций на эстраде. Зрители сидели в партере и на галереях. По обеим сторонам сцены были прикреплены две большие демонстрационные доски размером 4 на 4 метра, на которых партия демонстрировалась. Во всех прилегающих залах и комнатах было помещено еще много демонстрационных досок меньшего размера. В этих залах проводились шахматные мероприятия, как, например, сеансы одновременной игры, викторины, а также каждый день кто-нибудь из мастеров делал доклад о проходящей в данный день партии матча. Зал и прилегающие к нему комнаты всегда были переполнены публикой, ежедневная

* Статья была написана С. Флором — молодым зарубежным шахматистом — для чехословацкой газеты «Народни листы» (14 января 1934 г.) под впечатлением от поездок в Москву и Ленинград на матч с М. Ботвинником. Материал дает возможность ощутить атмосферу тех лет и интерес к этому большому шахматному событию. — *Прим. сост.*

посещаемость достигала 2 тысяч человек. Дипломатическая ложа для представителей правительства также всегда была занята. Наш представитель — посланник Сметана и его жена (оба играют в шахматы) являлись постоянными посетителями матча. Также Трояновский — представитель СССР в Нью-Йорке — в течение всей московской половины матча являлся постоянным зрителем.

Первая партия матча была играна под знаком нервозности с обеих сторон. Я выиграл ее только благодаря большой искусственности и тактической подготовленности. Следующие четыре партии имели с начала до конца равное соотношение сил. В шестой партии, которую я считаю наилучшей в матче и одним из лучших моих эндшпилей вообще, мне удалось очень убедительно доказать и технически безупречно реализовать преимущество двух слонов над двумя конями. Ботвинник, чрезвычайно симпатичный юноша, с самого начала матча был убежден, что матч проиграет. То, что позднее произошло, было, полагаю, для него и для всей русской шахматной общественности большой неожиданностью.

Расставание с московской общественностью после шестой партии матча было весьма сердечным. С большим удовольствием вспоминаю я московскую половину матча.

Со счетом 4:2 и с убеждением, что я победоносно окончу матч, выехал я с секундантами и арбитром в Ленинград. Скорый поезд «Стрела» довез нас туда за девять часов. По окончании привычных уже приветствий и церемоний нас поместили в отеле Интуриста «Астория». Ленинград произвел на меня еще более благоприятное впечатление, чем Москва. Это огромный красивый современный город с широкими бесконечными проспектами и большими строениями.

Вторая половина матча в партиях 7-й и 8-й проходила приблизительно так же, как и в Москве: ничейный результат после обоюдострой игры. В 9-й партии Ботвинник достиг своего первого полного успеха. Я играл защиту Каро-Канн так же, как и в первой партии матча; Ботвинник подготовил лучшее продолжение, против которого я не нашел правильного ответа и в результате погиб в бою. Энтузиазм присутствующих, которые вообще были настроены здесь более темпераментно, чем в Москве, невозможно описать. Театральный зал, в котором мы играли, около 15 минут оглашался непрерывными овациями: Ботвинник — Флор! Ботвинник — Флор!

Десятая партия фактически явилась решающей. Это была одна из наиболее слабых партий всей моей шахматной карьеры; я не могу дать никакого объяснения относительно уровня моей игры в этой партии. По-видимому, это можно объяснить только состоянием депрессии после поражения накануне. Но что представляла собой после оглашения результата этой партии ленинградская публика, превосходит все, ранее виденное мной. Буйная радость бушевала в зале по крайней мере четверть часа и все еще никак не могла утихнуть.

Оставшиеся две партии уже ничего не изменили в отношении конечного результата матча. Я особенно не старался, т. к. победа с перевесом в одно очко была бы малоубедительна, а Ботвинник, достигнув такого положения, не хотел рисковать. Он был чрезвычайно рад, что матч окончился вничью.

Готовился Ботвинник к этому матчу весьма старательно, имел перед матчем четырехнедельный отпуск, во время которого проштудировал около двухсот моих турнирных партий. Теоретически он был очень хорошо подготовлен. На мой взгляд, он имеет дарование шахматиста мирового уровня и его следует считать среди восьми первых мастеров мира. Его стиль, который пока еще не вполне отшлифовался, напоминает стиль Капабланки и Эйве. В турнирах он с большой уверенностью будет поражать слабейших противников, а от сильнейших очень редко терпеть поражения. Он является одним из русских мастеров позиционного стиля. Остальные мастера, как-то Алаторцев, Рюмин, Раузер и другие, все без исключения играют в комбинационном стиле.

Отвечая на нарекания, что я не должен был бы во время такого матча брать на себя еще другие утомительные обязательства, хочу объяснить, что я считал своей прямой обязанностью не уклоняться от состязаний и сеансов, о которых меня просили. Выступал я также по радио. В Москве и Ленинграде я дал по одному сеансу одновременной игры. Наученный опытом в Москве, я играл в Ленинграде очень осторожно и с полным сознанием ответственности моего выступления, однако здесь все же немыслимо играть против 50 противников с надеждой на успех. Не менее 30 из них сами дают сеансы одновременной игры. Ни один из них не сделал такой ошибки, которая по крайней мере стоила бы ему пешки. Все они в техническом отношении являлись вполне зрелыми шахматистами. В течение первых восьми часов сеанс протекал для меня вполне благоприятно, но потом наступила физическая усталость, и я испортил свой результат. И тем не менее местная шахматная общественность была восхищена моей игрой в этом сеансе.

О том, насколько вся жизнь в СССР пропитана интересом к шахматной игре, свидетельствуют такие эпизоды. В один из вечеров я пошел в театр посмотреть русский балет. Сидели мы в правительственной ложе вместе с Ботвинником. После второго действия на сцену вышел директор театра и объявил публике, что здесь присутствуют чемпион Чехословакии Флор и чемпион СССР Ботвинник. Публика бурными аплодисментами приветствовала нас. Другой раз я был с Ботвинником на опере «Аида». В антракте ко мне подошла депутация от оркестра, насчитывающего 120 человек, с просьбой, чтобы я на минуту спустился вниз к ним. Там меня приветствовал на чешском языке один из музыкантов и сообщил, что в антрактах все они играют в шахматы. На следующий день после начала нашего матча

мне сообщили, что все шахматные доски, фигуры и шахматные книги в Москве распроданы. Все эти события и проявленное ко мне внимание произвели на меня очень глубокое впечатление.

В заключение еще несколько слов о матче и его результатах. Матч был слишком кратким для того, чтобы кто-нибудь из противников мог в большей степени рисковать. Если бы матч игрался до 6 выигранных партий, он был бы в значительной степени более интересным и привел бы к более напряженным и острым боям. Для шахматного мира положительной ценностью матча была возможность сравнения советского и западноевропейского шахматного искусства. Со специально шахматной стороны матч был интересен особенно в отношении дебютов и дал мне также некоторые новые знания. Советское шахматное искусство с 1925 года, то есть со времени Московского турнира, сделало чрезвычайно большой шаг вперед. Я убежден, что большой международный турнир с участием западноевропейских шахматистов, который, возможно, будет устроен в СССР, полностью подтвердит правильность моего мнения.

Расставание в Москве было очень сердечным. До самой границы меня провожали. Русскому пограничнику я подписал свой последний автограф.

В Гастингс я ехал уже в пятый раз. Атмосфера этих британских рождественских турниров явилась для меня успокоением после волнующих предыдущих дней. Впрочем, не только я приехал на турнир в таком утомленном состоянии. Алехин, который перед этим совершил турне по Чехословакии, давая сеансы одновременной игры, находился в еще худшем состоянии. Когда мы с ним встретились в восьмом туре решающей партии, никто из нас не был в достаточно хорошем расположении для игры. К этому времени я шел на очко выше Алехина, поэтому он должен был любой ценой играть на выигрыш. Если он и каждую партию играл с чрезвычайной серьезностью и энергией, то на этот раз ему пришлось играть с полным напряжением сил. Ему посчастливилось достичь выигрышного положения, но в цейтноте, в котором мы оба к этому времени оказались, он стал играть слабее. К моменту перерыва положение Алехина выглядело весьма опасным, так что он даже не пошел обедать. С подавленным видом сидел он над карманными шахматами и все шлифовал, шлифовал. Когда после обеда я с ним встретился, он сказал: «Хорошо, я согласен на ничью и поздравляю тебя с первым призом». Этот жест весьма мало отвечал позиции, которая была на 80 процентов выгоднее для меня. Но, поскольку ничья действительно обеспечивала мне получение первого приза, я не имел основания отвергнуть предложение Алехина. Результат Гастингского турнира явился весьма эффективным для широкой общественности, но я его высоко не ставлю. Слишком короток был турнир, и слишком нервной была партия между мной и Алехиным.

1934 г.

В ШАХМАТНОМ МИРЕ

Прага переживала тревожные дни. Все чаще можно было услышать на улицах слово «война». Тяжелые неприятельские фигуры заняли грозные позиции против столицы Чехословакии. Однако население Праги сохраняло полное спокойствие.

Эти напряженные дни 20—25 мая совпали с приездом в Прагу чемпиона мира Алехина. Он приехал для того, чтобы заключить формальный договор со мной на матч за мировое шахматное первенство. Впрочем, в первые дни после его приезда мы гораздо больше разговаривали о политической конъюнктуре, чем об условиях матча.

Через несколько дней обстановка разрядилась. Правительству Чехословакии удалось задержать грозные «проходные пешки», готовые вторгнуться в пределы страны. Положение, в котором отложена эта волнующая партия между двумя государствами, чрезвычайно остро и тщательно анализируется и изучается обеими столицами.

30 мая мы с Алехиным подписали формальный договор о матче.

Какова история борьбы за первенство мира в последние годы и почему именно мне предстоит оспаривать почетнейшее звание чемпиона мира?

Год назад в Стокгольме проходила Всемирная шахматная Олимпиада. Во время этой Олимпиады был проведен так называемый турнир наций и, кроме того, состоялось обсуждение вопроса о мировом шахматном первенстве, в котором приняли участие все представители шахматных организаций, съехавшихся в Стокгольм.

Решение ФИДЕ о том, что именно я назначаю официальным кандидатом в ближайшем матче на первенство мира, более всего оказалось неожиданным для меня самого. Среди сильнейших гроссмейстеров это решение вызвало определенное недовольство. Каждый считал себя наиболее достойным претендентом, и трудно было остановиться на кандидатуре, которая удовлетворяла бы всех. Особенно решительно выступил против чемпион мира Алехин, за которым, конечно, сохранялось решающее слово. Обсуждая кандидатуры претендентов еще до матча-реванша Эйве — Алехин, ФИДЕ исходила из того, что этот матч закончится вероятной победой голландского гроссмейстера. Вот почему именно с Эйве велись предварительные переговоры об очередных матчах на первенство мира. Эффектная победа Алехина расстроила планы ФИДЕ, так как новый чемпион мира отказался признать титул официального кандидата и условия матча, установленные шахматной федерацией.

Алехин не отказывался в принципе от матчей и не избегал серьезных противников, как полагали некоторые. Он охотно готов признать вызов очередного претендента и в любой момент защищать свое звание. Немедленно после выигрыша матча у Эйве Алехин

официально заявил о своем согласии вновь встретиться с Капабланкой. В Южной Америке нашлись организации, взявшие на себя финансировать этот матч, и шахматному миру казалось, что в ближайшее время состоится встреча этих исторических противников. Однако в самый последний момент выяснилось, что кубинец, так настойчиво добивавшийся реванша, неожиданно выставил явно неприемлемые финансовые условия. Это было тем более непонятно, так как обычно претенденты на звание чемпиона бывали значительно скромнее в своих финансовых требованиях. Условия Капабланки не были приняты, и вопрос о матче отпал. Отпал, вероятно, надолго, а возможно, и навсегда.

И только после фактического отказа Капабланки от матча, прикрытого, правда, финансовыми требованиями, Алехин принял мой вызов. Мой договор с Алехиным предусматривает те же условия, что и оба матча Алехина с Эйве. Наша борьба начнется осенью будущего года и будет проведена в нескольких городах Чехословакии.

Я не переоцениваю свои шансы в предстоящем матче: спортивные успехи и выдающееся дарование моего противника общеизвестны. К этому можно добавить, что Алехин продемонстрировал исключительную силу воли, радикально изменил свой образ жизни, установив, начиная с периода подготовки к матчу-реваншу с Эйве, твердый спортивный режим. Никто не сможет назвать другого шахматного гроссмейстера, борьба с которым сулила бы меньше надежд, чем встреча с Алехиным. Но.. плох был бы тот шахматный мастер, который вступал бы в борьбу лишенным всякой надежды на успех.

В шахматной истории известны случаи неожиданных исходов ответственных матчей. Напомним хотя бы о выигрыше Алехиным матча у Капабланки в 1927 году, когда победа Капабланки казалась предрешенной. Неожиданным было поражение Алехина в его первом матче с Эйве. Сенсацию произвел ничейный исход матча Левенфиша с Ботвинником. Этот экскурс в шахматную историю обязывает Алехина быть настроеннее. Я же, в свою очередь, использую оставшееся до матча время для того, чтобы лучшим образом подготовиться к этой ответственной борьбе.

По какому пути идет моя подготовка? Мне кажется очень важным не только пополнить мои чисто шахматные знания и уточнить те дебютные теоретические варианты, которые встретятся в предстоящей борьбе с Алехиным, но главным образом подготовиться к нему со стороны физической и, если хотите, психологической. Дело в том, что на большинство даже высококвалифицированных шахматных мастеров чрезвычайно сильное влияние оказывают поражения. Вообще встречи с мастерами, которым удалось добиться победы надо мной, связаны были для меня с некоторыми психологическими затруднениями. Поэтому мне казалось целесообразным сыграть ряд партий

с шахматистами, против которых я не сумел добиться удовлетворяющего меня результата.

Одним из таких мастеров был чемпион Литвы Микенас. До сего времени наш счет в турнирных встречах был примерно равным. Однако в этом матче, который состоялся в Каунасе в июне этого года, у меня было громадное преимущество перед Микенасом: я имел в кармане договор на матч на мировое первенство. Договор этот придал мне значительно большую уверенность, и мне удалось выиграть матч с подавляющим счетом — 8:2.

Превосходной тренировкой к борьбе с Алехиным будет, конечно, крупнейшее шахматное событие — ноябрьский турнир в Амстердаме. Читателям «Огонька», вероятно, уже известно, что на амстердамский турнир приглашены 8 сильнейших шахматистов мира: чемпион мира Алехин, экс-чемпионы Капабланка и Эйве, гроссмейстеры Ботвинник, Керес, Решевский, Файн и я. Борьба будет проходить в два круга. Конечно, игра в таком серьезнейшем состязании потребует от всех участников максимального напряжения сил и способностей.

Каковы шансы участников? Мне кажется, что больше всего оснований рассчитывать на успех у Алехина. Я уже упомянул о том, что он находится в блестящей спортивной форме. Выше говорилось о необычайной силе воли Алехина. Ведь в последнем матче с Эйве ему удалось, по существу говоря, одержать две победы, причем одну из них — над самим собой — я считаю наиболее трудной. Давно уже никто не видел во рту Алехина папиросы. Из напитков он признает лишь молоко и яблочный сок. Он охотно занимается работами по сельскому хозяйству, вскапывает грядки в своем огороде и ведет здоровый, размеренный образ жизни. А здоровье для шахматного мастера — один из важнейших факторов успеха.

Советский гроссмейстер М. Ботвинник будет в первой тройке победителей. Для меня лично это является бесспорным. Того же мнения придерживаются и все крупнейшие специалисты шахматного мира.

Капабланка находится в настоящее время в Нью-Йорке и давно не играл серьезные партии. Вечные соперники — американские гроссмейстеры Решевский и Файн, обыграв вдвоем Европу, сражались недавно друг с другом в чемпионате США, где Решевскому удалось вторично завоевать титул чемпиона своей страны. Экс-чемпион мира Эйве по-прежнему преподает в амстердамском женском лицее. Последнее его выступление на турнире в Нордвийке было неудачным. Впрочем, может быть, сказалось то обстоятельство, что ему пришлось совмещать турнирную борьбу с обязанностями преподавателя. Одним из наиболее интересных современных гроссмейстеров я считаю молодого чемпиона Эстонии Пауля Кереса. Его своеобразный и яркий комбинационный талант снискал ему множество поклонников. Несомненно, что он будет с честью бороться в предстоящем турнире.

В 1939 году в Аргентине будет проведен очередной турнир наций. В последних олимпиадах уверенной победительницей выходила американская команда. Это естественно, так как в турнирах наций не участвовали советские шахматисты — единственная команда, которая могла бы успешно выступить против американской четверки, возглавляемой Решевским и Файном.

Об интересе гроссмейстеров к Советской стране и шахматистам СССР писалось неоднократно. Общее желание всех выдающихся шахматистов мира — приехать на очередной турнир в СССР, играть перед многочисленной аудиторией, перед зрителями, с жадным вниманием следящими за шахматной игрой.

1938 г.

НОТТИНГЕМ

Историю международных шахматных соревнований можно сравнить — пусть сравнение это не ново — с полноводной рекой, которая у истоков была едва заметным ручейком. Истоком «шахматной реки» был первый международный турнир в Лондоне в 1851 году. Трудным, как всегда, было начало. Но время шло, и в различных странах появлялось все больше сильных шахматистов, собиравшихся все чаще на свои соревнования. Это международное общение способствовало тому, что представители различных наций приобретали новых друзей, лучше узнавали жизнь зарубежных стран и народов.

На протяжении последних ста лет состоялось множество турниров, причем число их по мере приближения к нашим дням неизменно увеличивалось. Поистине древняя шахматная игра переживает свою вторую молодость и все нагляднее демонстрирует неиссякаемое богатство заложенных в ней возможностей. Количество шахматных состязаний подсчитать нелегко. Гораздо легче подсчитать те турниры, которые оставили неизгладимо яркий след в истории шахмат и стали значительными вехами на пути их развития.

В древнем городе Гастингсе в 1895 году состоялась грандиозная бескровная битва на 64 полях, равной которой до этого не было. К этому турниру мы еще вернемся — исторические параллели полезны в шахматах. После Гастингского турнира прошло сорок с лишним лет. Безжалостное время пощадило лишь одного участника этого шахматного ристалища — маститого Эмануила Ласкера. И вот шахматный мир увидел имя своего долголетнего чемпиона среди имен сильнейших шахматистов, съехавшихся в 1936 году в английский промышленный город Ноттингем на большой международный турнир. Люди, знакомые с историей шахмат, сразу же провели аналогию между Ноттингемским и Гастингским турнирами.

Аналогия прежде всего заключается в «расстановке сил» в шахматном мире. Обладателем титула чемпиона мира во время Гастингского турнира был 26-летний Ласкер, выигравший год назад матч у Стейница. Победа Ласкера не встретила признания. Было ясно, что престарелого Стейница мог бы победить и другой из корифеев, прежде всего Чигорин или Тарраш. Кроме того, Ласкер к тому времени не завоевал еще ни одного первого приза на крупном международном турнире и ни разу не встречался ни с Чигориным, ни с Таррашем. Понятен тот жгучий интерес, с которым ожидалась встреча всех четырех «звезд». Выдержит ли чемпион мира столь трудный экзамен?

Но турнир в Гастингсе закончился еще более сенсационно, чем ожидалось. Ласкер не взял первого приза, но его не получили также ни Чигорин, ни Тарраш, ни Стейниц. Победителем вышел молодой американский шахматист Пильсбери. Правда, следующие места заняли фавориты. Оценивая результаты турнира, Тарраш не без яда заметил: «Ласкер впервые показал, что он действительно является сильным шахматистом». Серией дальнейших побед в турнирах и матчах Ласкер убедительно доказал свое превосходство над всеми конкурентами и удерживал шахматную корону целых 27 лет — до 1921 года, когда он уступил ее Капабланке.

Нечто подобное имело место и в 1936 году во время турнира в Ноттингеме. Год назад Эйве весьма неожиданно для шахматистов всех стран, кроме Голландии, конечно, победил Алехина и стал чемпионом мира. Сейчас ему предстояло доказать, что его победа была закономерной и что он превосходит не только Алехина, но и экс-чемпионов Ласкера и Капабланку, а также потенциальных чемпионов из числа молодых гроссмейстеров, таких, как Ботвинник, Решевский, Файн. Да не сочтут читатели нескромным, если я скажу, что в числе конкурентов на призовые места находился и автор этих строк. Шахматный мир еще не успел забыть, что на втором Московском международном турнире первые два места поделили Ботвинник и Флор.

Кроме перечисленных, в Ноттингемском турнире участвовали такие обстрелянные бойцы, как Видмар, Боголюбов и Тартаковер, а также четыре сильнейших английских мастера (хозяева поля!). О том, какую роль предстояло им сыграть, откровенно сказал перед началом турнира Александер: «Я буду чрезвычайно рад, и для меня будет большой неожиданностью, если мне удастся избежать последних четырех мест». Неожиданности не произошло: англичане замкнули турнирную таблицу. Их роль заключалась в том, что кое-кому из призеров они испортили шансы. Если Капабланка, Ласкер и Эйве миновали английское «каре» без потерь (по 4 очка из 4), то Ботвинник, Решевский и Файн потеряли по пол-очка, Алехин — очко (две ничьи), а автор этих строк — за свою излишнюю настойчивость — целых два очка. («Так ему и надо!» — сказал Алехин о Флоре). Хотя

английские мастера и оказали влияние на окончательное распределение мест, не они, конечно, были главными героями соревнования, которое по силе состава превосходило все турниры после Гастингского (1895 г.).

Давно известно, сколь шатка позиция шахматных, да и не только шахматных, пророков. Казалось бы, что может быть проще: припомни, кто вышел победителем в предыдущем крупном турнире, и смело называй его первым призером будущего турнира. Логика здесь проста: поскольку, мол, так — значит... Но это «значит» сплошь и рядом ничего не значит. Гроссмейстер нередко выходит из отличной спортивной формы, которая и способствовала его победе (ибо шахматы — это также и спорт), а его конкуренты, наоборот, успевают обрести нужную форму. В результате итоги турнира оказываются на первый взгляд неожиданными и для самого прорицателя и для его читателей и почитателей. Но ведь «форма» шахматиста является лишь в самом ходе соревнования, и пытаться предугадать ее — задача крайне неблагоприятная. Не буду называть примеров просчетов, в том числе собственных, — поверьте, их было немало. Поэтому я давно взял за правило уклоняться от прямого ответа на вопрос, как закончится то или иное соревнование: поживем, мол, увидим...

Хотя, как я уже говорил, победа Эйве над Алехиным не получила широкого признания (напомним счет их первого матча — 15 1/2:14 1/2), большинство авторитетов считало, что ввиду «неясности позиции» лучше всего предрекать победу гроссмейстера, носящего гордый титул чемпиона мира. Исключение составили советские шахматисты, дружно болевшие за Ботвинника, несмотря на его относительный неуспех в третьем Московском международном турнире, где он занял «всего лишь» второе место.

Первым несколько неожиданно был Капабланка, который наконец оправился после потери шахматной короны. Нужно, впрочем, сказать, что Каисса была в Москве исключительно благосклонна к своему бывшему любимцу. Особенно это относится к партии Ботвинник — Капабланка, лишь случайно выигранной кубинцем. Победа в Москве сделала Капабланку еще менее объективным, чем обычно. Достаточно сказать, что, по его утверждению, для Ботвинника «даже пятое место в Ноттингеме будет крупным успехом».

Более предусмотрительным оказался Эйве. «Наиболее вероятные претенденты на первые места, — писал он, — Алехин, Капабланка, Ботвинник, Файн, Решевский и я». Легко себе представить, как вытянулись лица читателей, получивших такой «ясный» прогноз. Гроссмейстер Тартаковер, один из наиболее блестящих и проницательных шахматных журналистов, вспоминая результаты Гастингского турнира и ожидая неожиданное, предсказал, что победят представители молодежи — Решевский или Ботвинник. Как известно, он оказался

прав на пятьдесят процентов. А это для «шахпророка» немало. Ласкер не назвал ни одной фамилии и, как доктор математики, предпочел оперировать цифрами. «Победитель, — заявил он, — наберет 10—11 очков, не больше» (для дележа первого места действительно оказалось достаточно 10 очков). Самым точным оказалось предсказание советского мастера А. Ф. Ильина-Женевского: «Наибольшие надежды в этом турнире я возлагаю на Капабланку и Ботвинника». Именно они поделили первые места.

Регламент турнира был очень жестким. Игра происходила с 2 до 6 и затем с 8 до 10 часов вечера. Специальных дней для доигрывания не было — оно происходило по утрам. Ботвинник, извлекий урок из своей относительно неудачи на Гастингском турнире 1934 года, куда он прибыл после утомительной дороги в день первого тура — так сказать, с корабля на бал, — по совету Ласкера приехал в Ноттингем заблаговременно, чтобы акклиматизироваться. Вслед за ним приехали Эйве, Ласкер... Никогда еще тихий Ноттингем не видел столь ослепительного шахматного созвездия. С тех пор прошло четверть века. Но и сейчас я помню зеленый автобус, который ежедневно доставлял участников из отеля «Виктория стэши», где мы жили, в турнирное помещение — зал Бистонского университета, в предместье Ноттингема.

На турнире был представлен не только весь цвет шахматного искусства — не менее блестяще был представлен корреспондентский корпус, формировавший общественное шахматное мнение. Достаточно назвать имена Тартаковера, Опоченского, Кмоха, Зейца. Мировая печать уделяла турниру большое внимание. Внимательнее всех следили за ним в Советском Союзе, который уже тогда стал ведущей страной в области шахмат. Бюллетень Ноттингемского турнира выходил не в Ноттингеме, даже не в Англии, а в Москве. Оттуда через пару дней номера бюллетеня попадали в Ноттингем, и их можно было увидеть на шахматных столиках всех участников.

Ботвиннику было играть и легче и труднее, чем остальным участникам. Он повседневно чувствовал живую поддержку своей страны, миллионов своих соотечественников, от всего сердца желавших ему победы и веривших в нее. Но такое высокое доверие и ко многому обязывало. Этим отчасти объясняется, что молодой советский чемпион в каждую партию вкладывал всю свою энергию, все свои глубокие шахматные знания. Он не признавал расчетливой, подчас не имеющей ничего общего с шахматным искусством игры на ничью, а смело боролся в каждой партии за победу.

Ход спортивной борьбы и ее цифровые итоги общеизвестны. Но очки далеки не всегда определяют закономерность тех или иных достижений. В статье «В ожидании следующего турнира» я писал, что основным итогом турнира был «колоссальный» успех Ботвинника, идущего гигантскими шагами к завоеванию мирового первенства.

Советский Союз далеко опередил все страны в области массового развития шахмат. Ноттингем доказал, что и индивидуальное звание чемпиона мира в недалеком будущем тоже перейдет к СССР. Да извинят меня читатели за то, что я цитирую самого себя: удачные предсказания бывают так редко...

Впрочем, не я один увидел в Ботвиннике будущего мирового чемпиона. Ахелин в газете «Манчестер гардиан» писал: «Замечательный успех наиболее выдающегося из молодых шахматистов — Ботвинника, чемпиона Советского Союза, — не явился неожиданностью, так как он уже себя показал в двух больших Московских турнирах. Его достижение в Ноттингеме подтверждает, что он является наиболее вероятным кандидатом на звание чемпиона мира. Я лично считаю, что он имеет все шансы, чтобы стать чемпионом мира в ближайшие годы».

Красивейшей партией турнира была единодушно признана партия Ботвинник — Тартаковер, сразу обошедшая всю мировую печать. В большом стиле провел чемпион СССР и партию с Видмаром. Короткой, но волнующей была его схватка с Ахелиным. Ботвиннику пришлось за доской найти опровержение теоретической новинки, заготовленной Ахелиным. Эта 19-ходовая ничья стоит многих побед. Чисто этюдный характер носили эндшпиль партии Ботвинник — Томас. Во всех стадиях чемпион СССР был одинаково силен.

Ботвинник импровизировал не только как сильнейший шахматист, но и как человек. Англичане, да и не только они, не могли не удивляться его спокойствию, выдержке, умению строжайшим образом соблюдать спортивный режим. Каждые свободные пять минут он тратил на отдых. Все было подчинено одной цели — завоеванию успеха в турнире. Ведь он представлял собой часть советской культуры, культуры молодой и быстро развивающейся по новым, неизведанным путям.

Ни шахматная общественность, ни сам экс-чемпион мира Капабланка не ожидали столь большого успеха, выпавшего на его долю. Рядом с молодой звездой — Ботвинником — ярко блеснула «старая звезда» — Капабланка. Сейчас мы с горечью пишем, что блеснула она в последний раз. После его малоудачного старта мало кто отваживался предсказать кубинцу первое место. Вторую половину турнира Капабланка провел с исключительным подъемом. Особенно его вдохновила победа над своим историческим соперником — Ахелиным. Капабланка проиграл одну лишь партию — автору этих строк, допустив решающую ошибку на 37-м ходу, т. е. сделав уже контрольные ходы. Мирное течение турнира омрачили враждебные отношения, сложившиеся между Ахелиным и Капабланкой. Они не разговаривали друг с другом и сносились через третьих лиц.

Во время турнира в Ноттингеме Капабланка переживал свою «вторую молодость». Он играл с легкостью, свойственной ему

в лучшие годы. Технические трудности для него, казалось, не существовали. Разделив первые два места в Ноттингеме, т. е. повторив, а может быть, и превзойдя свой недавний успех в Москве, Капабланка снова заставил говорить о себе как о возможном претенденте на звание чемпиона мира. Английские шахматные круги, где Капабланка был очень популярен, уже поговаривали о новой встрече его с чемпионом мира, который должен был выявиться в матче-реванше Эйве — Алехин. Но вскоре началась вторая мировая война. Капабланке не суждено было ее пережить. Он скончался в марте 1942 года всего в возрасте 53 лет. Тело Капабланки было перевезено на Кубу, где и похоронен этот знаменитый сын кубинского народа.

Третье — пятое места поделили Эйве, Решевский и Файн. Большой успех представителей США наряду с победой Ботвинника показал, что молодое поколение гроссмейстеров отнюдь не уступает, а скорее превосходит альтмастеров. Место, занятое Эйве, с которым все играли с удвоенным старанием, напоминает третий приз молодого Ласкера в Гастингсе. По-моему, хоть это и звучит парадоксально, результат Эйве, который, естественно, не мог его удовлетворить, являлся следствием слишком усиленной подготовки к турниру. Он чрезмерно большое значение придавал изучению теории. Превосходя своих противников в знании дебютных вариантов, Эйве уступал многим из них, и прежде всего Алехину, в остроте «комбинационного зрения», в умении нарочито сойти, когда этого требует обстановка в партии или в турнире, с теоретических путей и заставить противника сделать то же, чтобы схватиться с ним «врукопашную». Непревзойденным мастером такого рода игры был, как известно, Ласкер. Мои советы как тренера Эйве во время его первого матча с Алехиным успеха не имели. Победа Эйве укрепила его в правильности понимания шахматной борьбы главным образом как борьбы знаний.

Молодые американские гроссмейстеры Решевский и Файн, отлично зарекомендовавшие себя рядом крупных успехов, оправдали возлагавшиеся на них надежды. В их игре много общего — прежде всего практицизм и высокая техника, удивительная в столь молодые годы. Впрочем, нельзя забывать, что стаж Решевского был не так уж мал. Он слыл вундеркиндом и проводил сеансы одновременной игры в возрасте чуть ли не семи лет. В Ноттингеме обнаружилось, что среди шахматистов, участвовавших в сеансах чудо-ребенка, были Видмар и Эйве. В турнире Решевский не терялся в трудных положениях и проявлял исключительную цепкость в защите. Как правило, он всегда сражался против двух противников — против своего партнера и почти постоянного жесткого цейтнота.

Файн был самым молодым из участников турнира. Ему было всего 22 года. Тем более удивительно, что он — единственный наряду с Ботвинником — сумел пройти труднейшее соревнование без поражений. Излюбленная тактика Файна — лавирование. В этом искусстве

он вряд ли имел себе равных. Не задаваясь большими целями, не стремясь к интересным стратегическим замыслам, он терпеливо выжидал ошибки противника и безупречно их использовал. По партиям Файна — замечательного практика — можно учиться, но восхищаться ими трудно. В них, по выражению Алехина, «слишком много делового».

Участие Алехина в Ноттингемском турнире вызвало величайший интерес. Какого Алехина мы увидим? Будет ли это блестящий победитель Капабланки и триумфатор турниров в Сан-Ремо и Бледи, или же это будет Алехин 1935 года, проигравший матч Эйве? Сумеет ли он обрести прежнюю боевую форму, для чего ему нужно победить лишь одного человека — самого себя?

В первой партии слишком азартно игравший Алехин блеснул жертвой двух пешек в дебюте, причем его партнер — слишком осторожный Флор — принял лишь первую. Это было первой, но не последней ошибкой Флора. Он попал затем под сильную атаку и проиграл. Итак, прежний Алехин. Но во втором туре в важнейшей партии с Капабланкой Алехин затеял неправильную комбинацию, что с ним случалось крайне редко, и проиграл. Итак, «новый» Алехин... После семи туров Алехин имел всего лишь три очка, и самые горячие его приверженцы готовы были в нем разочароваться. Но Алехин — человек неожиданностей в жизни и на шахматной доске. В девятом туре он остановил победное шествие Эйве. Этот выигрыш у своего бывшего и будущего соперника в матче буквально открыл Алехина, и, набрав на финише шесть очков из семи, Алехин спас все то, что еще можно было спасти, и отстал от победителей лишь на одно очко. Алехин явно начал входить в боевую форму. Это видно было не только по его партиям, но и по поведению. Алкоголь был забыт, курение тоже. Через год он уверенно вернул звание чемпиона мира.

Чрезвычайно большой интерес проявлял Алехин к шахматной жизни в Советском Союзе, к советским шахматистам. Он не раз беседовал с Ботвинником, которого очень высоко ценил, и не оставлял мысли приехать в СССР, но только в качестве чемпиона мира. Его мечте не суждено было сбыться. Помню, как он провожал меня перед поездкой в Москву из Праги в 1933 году. «Вот вы едете в мой родной город, — сказал он мне с грустью на вокзале, — а я остаюсь...»

Ноттингемский турнир был лебединой песней Ласкера, достойным «эндшпилем» его не имеющей равных шахматной карьеры.

Вынужденный покинуть Германию после захвата власти фашистами, Ласкер поселился в Москве, где, между прочим, начал работу в области математики. В 1937 году его жена решила повидать свою дочь (от первого брака) и уговорила Ласкера поехать в Америку. Здесь она опасно заболела, и врачи возражали против ее обратной поездки через океан. Пришлось думать о куске

хлеба. Начались поездки по городам, сеансы одновременной игры... Ласкер умер в бедности в богатейшей капиталистической стране — США.

Грандиозный Ноттингемский турнир имел особое значение для советских шахматистов. «Правда» в статье «Шахматисты нашей страны» (29 августа 1936 года) писала: «СССР становится классической страной шахмат. Знаменитые мастера Западной Европы и Америки с изумлением смотрят на рост нашей шахматной культуры».

В Ноттингемском турнире была заложена основа той гегемонии советской шахматной школы, которая затем с каждым годом крепла и развивалась.

1962 г.

ОДНА МОЯ ПАМЯТНАЯ ПАРТИЯ

Не всегда у шахматистов был и сейчас не везде есть, так сказать, свой дом. В прежние времена в разных городах существовали известные, иногда даже знаменитые чисто шахматные кафе. Самым знаменитым из них было «Режанс» в Париже. Кто только не играл в «Режансе»! Там выступал и легендарный П. Морфи, там бывал и А. Филлидор. В «Режансе» много лет стоял шахматный столик, за которым когда-то играл Наполеон. «Режанс» посещали политические деятели, знаменитые писатели. Играли Вольтер, И. С. Тургенев. В этом кафе побывали В. Стейниц, Эм. Ласкер, Х. Р. Капабланка, А. Алехин. Большой портрет Алехина украшал стену главного зала этого исторического кафе.

Известно, что Морфи никогда не играл в шахматы на деньги. В «Режансе» он изумлял публику, давая сеансы, не глядя на доску. А знаменитый Лабурдоне здесь играл партии на ставку в один франк.

В старые добрые времена, а точнее, в старые плохие для шахматистов времена, на маленькую ставку (на большую ведь любители не хотели) в шахматы играли и известные гроссмейстеры, вплоть до чемпиона мира. Так, например, в Вене было известное шахматное кафе «Централь», где добывал себе побочный заработок первый чемпион мира В. Стейниц. В «Централе» одним из его партнеров был банкир Эпштейн. Однажды Стейниц чуточку задумался над ходом, и нетерпеливый банкир стал иронизировать:

— Ну, разбудите меня, когда вы сделаете ход.

Вскоре надолго задумался банкир, и Стейниц сказал:

— Ну, разбудите меня, когда сделаете ход.

Банкир был раздражен такой дерзостью и запротестовал:

— Что вы себе позволяете! Вы знаете, с кем играете?

Стейниц ответил:

— Конечно, знаю. Вы — Эпштейн на бирже. Я — Эпштейн за шахматной доской.

Позднее в Лондоне Стейниц подрабатывал таким же образом в шахматном кафе «Гамбит». Среди партнеров чемпиона мира также был один богатый человек. Чемпион его обыгрывал и обыгрывал. Кто-то подсказал, что так он рискует потерять выгодного клиента. Чемпион мира согласился с этим доводом и в одной из следующих партий «зевнул» ферзя, сдался и смешал фигуры. Он сразу же стал их снова расставлять. Но не тут-то было. Его клиент во весь голос завопил:

— Я победил чемпиона мира! — И с этими словами он навсегда покинул «Гамбит».

Популярные шахматные кафе были во многих столицах. В Праге до сих пор есть кафе «Новак», где встречаются шахматисты. Было также известное кафе «Континенталь» в самом центре Праги. Вот в этом кафе ежедневно — с 12 часов дня до 12 часов ночи — «дежурил» старик, шахматный профессионал. Он играл с посетителями на маленькую ставку — две кроны. Сыграть партию с «профессором Оос», как его называли, было не так просто, ибо желающих всегда толпилось слишком много. Мне тогда было 13 или 14 лет, и в один из воскресных дней старший брат взял меня в «Континенталь». И вот я дождался очереди, и профессор дал согласие сыграть со мной. К ужасу профессора и особенно тех зрителей, которые всегда следили за его игрой (для профессора было забронировано постоянное место), я выиграл две партии. Профессор понял, что я для него невыгодный клиент и, решив не терять напрасно времени, сказал: «Хватит!» С этими словами он предложил мне четыре кроны. А я широким жестом отстранил деньги: не надо мне, мол, денег, я хотел только с вами поиграть. Профессор рассвирепел.

— Кто пустил сюда этого нахального мальчишку! — закричал он.

Появился испуганный хозяин кафе. Испуганный потому, что профессор грозил, что больше не будет ходить в это заведение из-за нанесенного ему оскорбления. Для хозяина кафе профессор был желанным посетителем, ибо привлекал народ. Меня попросили покинуть помещение — детям до 16 лет не полагалось посещать кафе и ресторанов. Так закончилась моя первая встреча с шахматным профессионалом, в которой я первый и последний раз в жизни выступал в роли «мецената».

Судьба подобных шахматных профессионалов, а точнее полупрофессионалов, незавидна. Эти люди не каждый день зарабатывали себе на хлеб. Иногда им приходилось обращаться к официанту: завтра, мол, рассчитаюсь за кофе и яичницу.

Шахматное кафе до войны было в Риге. Называлось оно «Рейнер». В этом кафе можно было встретить мастера Ф. Апшениека, а еще чаще М. Фейгина. Это был очень маленький, хрупкий человек, скромный и молчаливый. Нетрудно было сразу догадаться, что и жизнь и здоровье его оставляют желать лучшего.

С Фейгиным мне довелось играть в турнире в Кемери в 1937 году. Но эта партия мне запомнилась навсегда. Как известно, Р. Фишер выпустил книгу «60 памятных партий». Почему я озаглавил эти воспоминания «Одна моя памятная партия»? Ведь то, что я сделал в своей жизни массу ничьих, всем хорошо известно. Но говорят, что я иногда создавал ценные партии. Если это так, то одной из лучших своих партий я считаю партию с Фейгиным. Никакого блеска в этой партии нет. Почему она мне так нравится? В шахматы очень «легко» играть, когда правильно расставляешь свои фигуры, когда хорошо умеешь мобилизовывать и перегруппировывать свои силы. В этом смысле данная партия, на мой взгляд, является небольшим учебным примером. Хорошо и то, что Фейгин не допустил заметных ошибок (кроме 8. К:d5?).

Защита Грюнфельда
М. Фейгин — С. Флор
Кемери, 1937 г.

1. d4 Kf6 2. c4 g6 3. Kc3 d5 4. Fb3 dc 5. Ф:c4 Се6.

Партия игралась в те годы, когда шахматисты Запада стали все больше и больше изучать системы, бывшие наиболее модными в СССР. Мои друзья в Москве убедили меня в том, что ход в тексте возможен и приводит к любопытным осложнениям.

6. Fb5 Kc6 7. Kf3 Kd5 8. К:d5?

В главном варианте советские теоретики рекомендуют играть 8. e4. Я поставил вопросительный знак к восьмому ходу Фейгина не потому, что он избежал главного варианта, а потому, что размен на d5 противоречит старому шахматному закону, согласно которому не следует разменивать облегчать противнику защиту. Если уж Фейгин не решился на 8. e4, то и 8. e3 было лучше, чем размен на d5, после чего у черных уже как минимум равная игра.

8. ...C:d5 9. e3 e6 10. Cd2 a6 11. Фа4 Cd6!

Два хода в этой партии приходится мне по вкусу. Ход в тексте — первый из них. Черные не играют шаблонно 11... Сg7, а развивают слона на d6, откуда он сможет успешнее помогать в борьбе за центр и, как мы скоро увидим, при создании атаки на королевском фланге.

12. Ce2 0—0 13. Fc2 Kb4 14. Fb1 f5 15. 0—0 Kc6 16. Cc3 Fe7 17. Lfd1 Kb8!

А вот и второй трудный ход в этой партии. Конь на c6 расположен не так уж плохо, но его можно и нужно перевести на еще более активную позицию. Место этому коню на e4. Ход в тексте намечает маршрут коня на центральное поле. Если все фигуры расположены таким образом, что помогают атаке и при случае могут «уйти в защиту», кажется, что шахматы — игра, не такая уж сложная!

18. Kd2 Kd7 19. Cf3 Kf6 20. Fd3 Ke4! 21. Fe2 Kg5.

Этот ход вынуждает белых (им ведь не хочется разменять слона на коня) к размену на d5. Черный конь скоро вернется на e4.

22. C:d5 ed 23. Kf3 Ke4 24. Laс1 с6

Стратегически позиция черных в высшем смысле этого слова надо считать выигранной.

25. Ce1 Lae8 26. g3

Чтобы воспрепятствовать подрыву f4, но черные все равно добьются этого.

26. ...Фd7 27. Фf1 g5

Когда одна сторона владеет центром и имеет значительное позиционное преимущество, она имеет возможность перейти к прямой атаке. Вести ее черным очень легко, ибо у белых нет никакой контригры.

28. Ld3 f4. Начало конца.

29. ef gf 30. Kh4 Kph8 31. Фg2 fg 32. hg Kg5 33. f3 Kh3 + 34. Kph1 (или 34. Kph2 Kf4 и всел) 34. ...Ce7 35. Cd2 C:h4 36. gh Фf5 37. Lb3 Lg8 38. Фh2 Le6 39. Lf1 Kf2 +! Белые сдались.

Ничего особенного — скажет читатель. Согласен. Но это — дело вкуса.

1972 г.

РАДИОМАТЧ СССР — США

Любопытно посмотреть на фотографию нашей команды. Какие мы там все молодые! М. Ботвинник, А. Лилиенталь, А. Котов, С. Флор еще без седины, какие худые В. Смыслов, И. Бондаревский и особенно И. Болеславский! А какая шевелюра у самого молодого участника Д. Бронштейна! Неужели так быстро пробежали 25 лет с момента одного из самых величайших шахматных сражений, каким, несомненно, был исторический радиоматч СССР — США?! Лучшие представители нашего шахматного искусства сели за столики в ЦДРИ. А соперники? Они находились далеко от Москвы — 9 тысяч километров — и при огромном наплыве зрителей заняли свои места в известном Гудсон-отеле.

Р. Файн теперь совсем бросил играть в шахматы. С. Решевский старается скрыть свои годы (надевает парик). Нет в живых Г. Стейнера, человека, который всегда сохранял спокойствие. Он всю жизнь говорил: «Мне все равно — выиграю или проиграю партию, главное не портить настроение». А умер в пятьдесят от... инфаркта.

Сегодня в век спутников, телевидения такой матч было бы просто организовать. Но должен сказать, что и в 1945 году техника связи сработала великолепно. Ни в одной партии не произошло ни одного недоразумения, ни одной ошибки.

Игра обычно затягивалась до глубокой ночи. Представляете, что это значило для такого человека, как М. Ботвинник, который привык жить по строгому режиму. А тут пришлось волей-неволей «кутить» чуть ли не до утра!

У М. Ботвинника тогда был титул абсолютного чемпиона СССР. Известно, что М. Ботвинник играет, как лев, когда защищает спортивную честь своей страны. А поскольку ему попался «подходящий» партнер — тогдашний чемпион США А. Денкер, то никого не удивило, что Ботвинник выиграл обе партии. И как!

Сильнейшие американские гроссмейстеры: два аса, два серьезных претендента на первенство мира — противостояли нашим молодым шахматистам, чьи имена еще не очень «звучали» в шахматном мире. Тем сенсационнее был результат: Решевский и Файн против «каких-то» Смыслова и Болеславского набрали всего-навсего пол-очка!

Забавной была первая партия Смыслов — Решевский. Смыслов играл вариант испанской партии, который в Москве был разработан до 25-го хода. Смыслов израсходовал несколько минут, в то время как Решевский находился в жутком цейтноте. Многократный чемпион США потерпел крах.

Отлично помню, что больше всех, вероятно, волновался я, ибо партия с Горовицом, редактором «Чесс-ревю», одним из основных инициаторов этого матча, была для меня первой, которую я играл под флагом моей новой Родины.

Матч начался катастрофически для американской команды, счет скоро стал 5:0 в нашу пользу. Что делать, как себя вести в таком случае чемпионам мира? Они старались шутить. Одни говорили, что трудно играть, когда не видишь противника, другие отметили, что по утрам трудно ориентироваться, третьи — нельзя, мол, играть с русскими, которые имеют в Москве возможность кушать икру большими ложками.

Помнится, я отложил первую партию с Горовицом, и его король всю ночь стоял под шахом. Когда в Нью-Йорке стал известен записанный ход, то Горовиц сдался и прислал радиотелеграмму: «Если бы я знал, что вы мне дали шах, то я бы еще вчера пожелал вам спокойной ночи».

Однако необходимо отметить, что все американцы после матча признали абсолютное превосходство советской команды, отметили, что начинается новая эра в шахматах, эпоха советского искусства. Мир ожидал чего угодно, но такого разгрома никто не мог предвидеть. Представляете, сколько долларов было выплачено за проигранные пари. Разве хоть одному американцу могло прийти в голову, что, скажем, Решевский с треском проиграет обе партии Смыслову?

Наша шахматная спортивная общественность привыкла к постоянным крупным успехам советских шахматистов. Но сегодняшнее молодое талантливое и сильное шахматное поколение не должно забывать про те дни, когда в ЦДРИ раздался первый сигнал о наступлении советского искусства по всем шахматным фронтам.

УСПЕХИ СОВЕТСКОЙ ШАХМАТНОЙ ШКОЛЫ

Помню, в 1933 году на эстраде прекрасного Колонного зала Дома союзов в Москве, где я встретился в матче с М. Ботвинником, висел транспарант с лозунгом: «Догнать и перегнать Запад в области шахматного искусства». Советские шахматисты блестяще выполнили это желание общественности. Успехи шахматистов Советского Союза, особенно Ботвинника, на Московском турнире 1935 года, триумф советского шахматного искусства на крупнейшем турнире в Ноттингеме в 1936 году и на турнире гроссмейстеров в Голландии в 1938 году явно говорили о том, что советские шахматисты уже не только не уступают, а и превосходят сильнейших профессионалов Западной Европы и Америки.

Особенно большой размах советское шахматное движение приобрело после Великой Отечественной войны. Наши гроссмейстеры и мастера начали наступление на всех шахматных фронтах. В 1945 году состоялся радиоматч между сборными командами СССР и Америки. Американцы, считавшиеся тогда чемпионами мира, были разгромлены со счетом 15,5:4,5.

Встретиться со сборной командой СССР решили и шахматисты Англии. Этот матч состоялся в 1946 году. Англичане радовались, что проиграли нашей сборной команде со счетом 14:6, то есть набрали на 1,5 очка больше, чем американцы. В этом же году американские шахматисты приехали в Москву, чтобы встретиться в новом матче. Но реванш, о котором они мечтали, не состоялся. Советские шахматисты снова выиграли с большим преимуществом. В 1947 году команда СССР выехала в Лондон, чтобы нанести новое крупное поражение англичанам.

Эти победы, достигнутые при участии новой плеяды молодых шахматистов — В. Смылова, А. Котова, Д. Бронштейна, И. Болеславского и других, прославили нашу сборную команду, как сильнейшую в мире.

После смерти чемпиона мира А. Алехина в 1946 году возник вопрос: кому должно принадлежать это звание? Американцы хотели использовать смерть Алехина для того, чтобы протащить в чемпионы мира кого-нибудь из своих шахматистов. Голландцы требовали, чтобы чемпионом мира был назначен гроссмейстер М. Эйве. Но советские шахматисты совершенно справедливо заявили: «Нужно устроить матч-турнир, и пусть чемпионом мира будет самый достойный».

Матч-турнир на первенство мира состоялся в 1948 году в Голландии и в Москве и окончился триумфом наших шахматистов. Чемпионом мира стал Михаил Ботвинник. Гроссмейстер Василий Смылов занял второе место. Эйве оказался на пятом, последнем месте.

В 1949 году в Москве было разыграно первенство мира среди женщин. Звание чемпионки завоевала ленинградская шахматистка Людмила Руденко.

Крупные отборочные турниры в Стокгольме в 1948 году и в Будапеште в 1950 году снова принесли победы советским шахматистам. Никому из иностранных гроссмейстеров не удалось завоевать права оспаривать у Ботвинника звание чемпиона мира. Это право завоевал москвич Д. Бронштейн.

На смену шахматистам старшего поколения появилась новая замечательная плеяда молодых. Большинство из них овладело мастерством шахматной игры в Дворцах пионеров. Московский Дворец пионеров подготовил В. Смыслова и Ю. Авербаха, Ленинградский — М. Тайманова, Киевский — Д. Бронштейна, Днепропетровский — И. Болеславского, Одесский — Е. Геллера, Тбилисский — Т. Петросяна.

Крупнейшим шахматным событием каждого года является чемпионат СССР — турнир сильнейших. В наших чемпионатах с каждым годом участвует все больше молодежи. В XIX чемпионате я был старейшим участником, хотя мне всего 43 года. Этот чемпионат показал, что с нашей молодежью трудно бороться даже чемпиону мира М. Ботвиннику.

То, что Ботвинник занял пятое место, вызвало большое удивление. Чем объяснить неудачу чемпиона мира? Этот вопрос часто приходится слышать от любителей. Прежде всего, конечно, ростом нашей молодежи. Но не следует забывать и того, что Ботвинник не только шахматист, он инженер-электрик и по своей основной профессии также добивается больших успехов. Несмотря на то, что матч с Бронштейном отнял у Ботвинника много сил, он все же сумел защитить докторскую диссертацию.

Десять — пятнадцать лет — короткий срок для шахмат — этой древнейшей игры. Но советские шахматисты за этот срок далеко обогнали все страны в области шахматного искусства. Нет сомнения в том, что эти успехи в ближайшие годы будут приумножены.

1952 г.

* * *

Среди читателей наверняка многие никогда не видели рождение чемпиона мира и момент «сдачи дел» старым чемпионом. Я был очевидцем двенадцати матчей на первенство мира. В 1935 году видел взлет М. Эйве и падение А. Алехина, ровно через два года стал свидетелем убедительного реванша. Оба раза чемпионов короновали в Амстердаме в пасмурные зимние дни.

Начиная с 1948 года все венчания чемпионов мира лаврами происходили в солнечной весенней Москве.

Какое же из первенств произвело особенно сильное впечатление? Исторической датой следует считать день 9 мая 1948 года. В этот День Победы в залитом светом великолепном Колонном зале Дома союзов М. Ботвинник стал первым советским чемпионом мира.

Каждый матч на первенство мира интересен по-своему и всегда является главным событием трехлетия. Каждый матч приносит шедевры творчества и незабываемые эпизоды борьбы. Так, сегодня еще памятен финиш драматического поединка 1951 года Ботвинник — Бронштейн. Две ничьи в последних двух партиях, и... маленький Давид — чемпион мира. Но Ботвинник буквально «залез в карман» Бронштейна. Бессонной ночью Ботвинник нашел выигрыш в 23-й партии и добился счета 12:12. Ему лавровый венок, а Бронштейну что? Сплошное огорчение. Хотя, кажется, это было не совсем так. Бронштейн очень оригинальный шахматист и не менее оригинален как лектор. Несколько лет тому назад мы вместе с ним выступали в советском посольстве в Берне перед нашими дипломатами. Я рассказал, как Бронштейну в 1951 году не повезло. Но Давид взял затем слово и опроверг меня:

— Почему не повезло? Я просто в последний момент раздумал, не захотел стать чемпионом. Зачем это мне нужно?

Я даже покраснел — стало неудобно, что я, проявив невежество, ввел в заблуждение аудиторию. Между прочим, помню, что и М. Ботвинник после поражения от Т. Петросяна в 1963 году вроде бы серьезно заявил: «Вот и хорошо, что наконец-то избавился от этого груза чемпиона мира». Искренни ли такие заявления Бронштейна и Ботвинника? Мне трудно судить, поскольку я не был чемпионом мира. Покамест...

В 1954 году Смыслов повторил результат Бронштейна, и Ботвинник увез на свою дачу уже третий лавровый венок. Вторая попытка Смыслова через три года увенчалась успехом, но уже через год Ботвинник показал, что в матчах-реваншах он особенно страшен. В этом матче-реванше в историю вошел знаменитый случай из 15-й партии, в которой Ботвинник забыл, что играет с часами и в совершенно выигранной позиции просрочил время.

Прошло три года, и в театре им. Пушкина появившийся, как метеор, Миша Таль устроил такие танцы с саблями, такие сокрушительные повел атаки, что даже опытный Ботвинник не был в состоянии их выдержать. Но счастье Таля продолжалось так же недолго, как и Смыслова. В 1961 году Ботвинник сумел блестяще отметить свое 50-летие. Победив Таля, который был моложе его на 25 лет, большой Миша снова стал чемпионом мира. С тех пор ареной матчей на первенство мира стал Театр эстрады.

Из этого матча-реванша осталась в памяти одна партия, на кото-

рую Миша Таль опоздал. Почему? Дело в том, что партия игралась 12 апреля. Во второй половине дня Москва ликовала, на устах всего мира было имя — Юрий Гагарин. Таль должен был добраться из гостиницы «Москва» через Каменный мост в Театр эстрады. Миша обратился даже к дежурным милиции:

— Пожалуйста, пропустите меня, я Таль, опаздываю на встречу с Ботвинником.

— Подождите, подождите, нам сегодня не до шахмат, сегодня все первые смотрят в космос!

Как быстро мчится время! Как печально, как невероятно грустно, что десятилетие первого полета в космос пришлось отметить без Юрия Гагарина...

Мы, шахматисты, счастливы, что имели громадное удовольствие познакомиться с двумя нашими замечательными космонавтами — А. Николаевым и В. Севастьяновым. Как известно, они во время своего полета сыграли первую в истории шахматную партию из космоса с представителями Земли.

* * *

Каковы же прогнозы шахматных весен 1971 и 1972 годов? Понятно, что наше хорошее настроение в будущем году будет в известной мере зависеть от итогов этого года. Кто может стать претендентом? На этот вопрос могу дать ответ. Пока что в истории шахмат не было случая, чтобы чемпионом стал бы так называемый «звонарь». Такие всегда были и есть и, вероятно, будут. Боголюбов на вопрос, кого он считает крупнейшими шахматистами мира, обычно отвечал коротко, но ясно: «В мире есть только два настоящих шахматиста, второй — Алехин!» Но хорошо известно, что Боголюбов так никогда и не стал первым. После окончания войны Найдорф в аргентинской газете напечатал несколько репортажей под заголовком: «Я буду чемпионом мира»... Мы все прекрасно помним, как Ларсен на весь мир заявил, что матч с Петросяном будет играть именно он. Не состоялось. Если Боголюбов все же назвал второго, то Роберт Фишер называет только первого: Фишер! Если Фишер и Ларсен победят в четвертьфиналах, то они столкнутся друг с другом в полуфинале. Их встреча была бы весьма любопытна, ибо Б. Ларсен считает, что Фишер никогда не будет чемпионом мира, не объясняя причин этого. Фишер же считает, что у Ларсена нет надежд на успех, ибо Ларсен похож на Кассиуса Клея. Думаю, что Ларсен не возражал бы иметь такой сильный удар, как у Клея. Помню, как несколько лет назад Валерий Брумель на глазах переполненного стадиона взял высоту 2.28. Никто не слышал из уст Брумеля «гоп» до

прыжка. Это точно. Как-то я спросил у Брумеля: «Валерий, вы тогда сказали «гоп»?» «Да, конечно, но после того, как преодолел планку».

В нашем шахматном строю тоже есть скептики. И в нашей области иногда можно услышать их голоса: «У нас стали играть в шахматы плохо». Ларсен даже заявил, что гегемония советских шахматистов кончилась.

Ветераны стали играть хуже, а смены не видно. А на Западе появились «страшные силы». Есть ли основания для пессимизма? Думается, что нет.

Вполне возможно, что кое-кто у нас стал играть хуже. Зато другие стали играть сильнее. Вполне возможно, что кое-кто на Западе стал играть сильнее, зато некоторые стали играть слабее. Но страшных партнеров для советских гроссмейстеров нет.

1971 г.

НУЖНЫ ЛИ ШАХМАТНЫЕ АКРОБАТЫ?

В восемнадцатом веке Франция имела много крупных шахматистов. Самыми выдающимися были Филидор и Лабурдоне. Филидор был гениальным шахматистом и знаменитым композитором. Ему было 16 лет, когда он сыграл в кафе «Режанс» две партии, не глядя на доску. Это была крупная сенсация, а когда Филидор сыграл в Лондоне одновременно три партии вслепую, то это было воспринято как чудо восемнадцатого века.

Что требуется шахматисту, чтобы одновременно сыграть несколько партий, не глядя на доску? Для этого необходимы особые способности и прежде всего необычайная память. И все-таки не память является самым важным фактором. Александр Алехин, особенно яркий виртуоз в игре вслепую, считал, что важнее всего искусство и сила воображения, фантазии. По мнению Алехина, сеансы вслепую имеют большое значение для пропаганды шахматного искусства, но не больше. Но как бы там ни было, мир уж так создан, что публика хочет видеть в каждой области рекорды и сверхрекорды. И гонка за рекордами началась повсюду. Эту гонку можно объяснить прежде всего тем, что сеансы вслепую для некоторых шахматистов явились средством заработка. Достаточно вспомнить хотя бы судьбу Л. Лабурдоне. Он имел свое личное место в «Режансе» и готов был играть с каждым, кто соглашался на ставку в один франк. Чтобы обеспечить себя скромным заработком, Лабурдоне приходилось «дежурить» в «Режансе» чуть ли не сутками. Этот крупный шахматист умер в возрасте 43 лет.

В 1858 году в Париже появился шахматный гений из Нью-Орлеана П. Морфи. Он изумил шахматный Париж, сыграв восемь партий вслепую! Морфи не был шахматным профессионалом. Он считал, что шахматы — это игра рыцарей, и когда партнеры заставляли его

играть на деньги, то выигранную сумму он отправлял жене побежденного.

Времена меняются. Примерно через сто лет появился другой выдающийся американский гроссмейстер, Роберт Фишер, и в отличие от Морфи он считает, что шахматист должен играть только за высокий гонорар. Но не будем забегать вперед. Задолго до рождения Фишера, в начале нашего века, сверкал другой американский шахматист — Г. Пильсбери, а так как американцы, как известно, любят рекорды, то в 1902 году Пильсбери сыграл 20 партий вслепую с отличным результатом — +17, —1, = 2.

Пильсбери можно считать настоящим акробатом шахматной эскендрики. Что он только не вытворял, чтобы развлекать — именно развлекать — публику! В том же 1902 году он дал сеанс на 22 досках вслепую с участниками сильного по составу турнира и одновременно играл еще в вист. Но мировой рекорд поставил венгерский мастер Д. Брейер в 1921 году. Из 25 партий вслепую он выиграл 15, а проиграл всего три при 7 ничьих.

Феноменальной образной памятью обладал Алехин. Чемпион мира как-то жаловался, что у него слишком хорошая память и это ему даже мешает. «Я вижу посторонних людей и запоминаю их лица, что абсолютно ни к чему», — говорил Алехин. Алехин считал, что сеансы вслепую ему не вредны, и решил штурмовать мировой рекорд Брейера. Он сначала сыграл 12 партий, затем в 1923 году в Монреале 21 партию, а через год в Нью-Йорке — 26 партий с результатом +16, —5, =5, причем среди участников были такие сильные шахматисты, как Кэжден, Стейнер, Кевич.

После этого борьбу за мировой рекорд повели большие друзья в жизни, два шахматных художника — А. Алехин и Р. Рети. В 1926 году в Париже Алехин побил свой собственный рекорд, сыграв, не глядя на доску, 28 партий. На это Рети ответил в том же году сеансом в Сан-Пауло на 29 досках с результатом +20, —2, =7. Но на выставке в Чикаго в 1933 году Алехин поставил точку над *i* и сыграл одновременно 32 партии с результатом +19, —4, =9. Сеанс длился 12 часов 30 минут, это было уму непостижимое достижение.

У Алехина и Рети была, бесспорно, необычная память, что не мешало им в жизни отличаться удивительной рассеянностью и забывать все на свете. Алехин однажды бросил в чашку с кофе вместо сахара пешку, мешал и удивлялся, что сахар не тает. Чемпион мира часто закуривал папиросу с другой стороны. Он вечно искал очки и регулярно забывал при отъезде из гостиницы отдавать ключ дежурному.

По утверждению венских профессоров, у Рети были все данные, чтобы стать отличным математиком, но он забыл свою диссертацию в кафе, а новую так и не написал. Рети забывал зонтики, шляпы, портфели, и всегда остроумный Тартаковер по этому поводу сочинил такой афоризм: «Там, где лежит портфель Рети, его давно уже нет».

У читателей может возникнуть вопрос: какие гонорары получали Пильсбери, Брейер, Алехин, Рети и другие за свои выступления? Заработки их были весьма скромными, но расплачивались они очень дорогой ценой — своим здоровьем. Несомненно, что подобная мозговая эксцентрика действует разрушающе на нервную систему. Брейер ушел из жизни в 27 лет, Пильсбери — в 33 года, Алехин — в 53 года.

В 1906 году Эм. Ласкер писал: «Причиной преждевременной смерти Пильсбери явилась перегрузка нервной системы, вызванная его сеансами не глядя на доску».

Хорошая память необходима шахматисту. М. Ботвинник обладает не только чисто шахматной памятью, но памятью универсальной. Когда читаешь воспоминания экс-чемпиона мира, то поражаешься тому, что он до сих пор помнит мельчайшие детали из своей жизни. Мне навсегда запомнился случай из практики Ботвинника. В 1946 году на турнире в Гронингене на финише он играл решающую партию с М. Эйве. Партия была отложена, казалось бы, в совершенно безнадежной позиции для Ботвинника, и он имел для размышлений всего полтора часа перерыва. Эйве с аппетитом поужинал и принял поздравления с победой от многих друзей. Все полагали, что Ботвинник сдастся без игры. Но Ботвинник явился не сдаваться, а спокойно уселся за шахматный столик. Все удивились, и больше всех, конечно, Эйве. Как это надо понимать? Что нашел Ботвинник? Во время короткого анализа Ботвинник вспомнил, что почти такая же позиция возникла в 1909 году в Петербурге в партии между Рубинштейном и Ласкером. Я говорю «почти», но это оказалось достаточным для Ботвинника. Было сделано несколько ходов, и получилась ничья. Вот что такое правильно использованная шахматная память.

На Западе распространена версия о том, что в Советском Союзе игра вслепую запрещена. Это не так. Советские шахматисты совершенно справедливо считают, что такие выступления вредны для здоровья и поэтому у нас шахматная акробатика не поощряется. Умственное напряжение на фоне колоссального прогресса современных шахмат и так огромно.

Печальная судьба Пильсбери, Брейера, Алехина советским гроссмейстерам не угрожает. У нас шахматы получили широкое общественное признание и стали популярной народной игрой. Таланты выращиваются не для того, чтобы они влустую тратили время, энергию, здоровье. У советских шахматистов весьма разумный, научный подход к игре. Свою память, богатую фантазию, свой пытливый ум, силу своего мозга они используют для поисков нового в области теории, новых стратегических идей, для глубокого проникновения в нераскрытые тайны шахматного мышления, для создания шедевров и, естественно, для достижения самых высоких спортивных результатов. Гегемония советских шахматистов признана

во всем мире, и об огромном авторитете советской шахматной школы свидетельствует хотя бы тот факт, что за относительно короткое время мы дали миру шесть чемпионов.

Несокрушимый Михаил Ботвинник, капитальный Василий Смыслов, оригинальный Михаил Таль, кристально ясный Тигран Петросян, феноменальный Анатолий Карпов прославились не под куполом шахматного цирка, а на мировой арене, поражая всех своей глубокой, оригинальной игрой.

1978 г.

АНАТОЛИЙ КАРПОВ — ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Московский Театр эстрады очень популярен. Он хорошо известен также шахматному миру, ибо в этом уютном театре неоднократно проходили шахматные спектакли на первенство мира — в последний раз в 1969 году. Из этого матча запомнился эпизод в пресс-бюро, в котором всегда идут жаркие творческие споры между журналистами и гроссмейстерами. Как оценить позицию, у кого лучше? Какой ход будет сделан? Немного неожиданно молодой парень вмешивается в дискуссию маститых гроссмейстеров: «Можно, по-моему, сыграть так и так». Парень быстро передвигает своими тонкими пальцами фигуры и демонстрирует вариант. Он прав, его рекомендация убедительна. Один из гроссмейстеров, не знавший в лицо этого парня, с некоторым высокомерием спрашивает: «Кто этот мальчик, как его фамилия?» «Вы не знаете его?! Это ведь новый чемпион мира среди юношей, Анатолий Карпов!»

Вот когда мы впервые увидели смущенного худощавого парня с дальнего Урала, из Златоуста, где Толе показали, как ходит шахматный конь.

Чемпион мира среди юношей — титул, завоеванный в Стокгольме, был крупным успехом не только для Карпова, но и для всего советского шахматного движения. Ведь после 1955 года, несмотря на неоднократные попытки, такого успеха наши молодые шахматисты не добивались.

Предполагал ли кто-нибудь в тот вечерний час в Театре эстрады, что юноша, показавший правильный вариант в партии, игравшейся на сцене, уже через пять лет станет первым шахматистом мира? Нет, об этом никто и не подумал. Все интересовались лишь вопросом дня: кто кого?

Однако очень скоро стало очевидным, что в Театре эстрады мы познакомились с мальчиком, обладающим огромным природным

талантом. Мальчик из Златоуста в то время в шахматном отношении был уже не мальчиком, а зрелым мастером, без одной минуты настоящим гроссмейстером.

Справедливо считают, что время летит ужасно быстро. Карпов впустую время не тратит и шагает от успеха к успеху. Он побеждает в московском турнире памяти А. Алехина в 1971 году, в шахматном городе Гастингсе в том же году и в межзональном турнире в Ленинграде в 1973 году. Таким образом, за короткий срок Анатолий Карпов успел стать первоклассным гроссмейстером и претендентом на звание чемпиона мира.

Когда вспоминаешь спортивные результаты Карпова начиная с 1967 года, то прежде всего бросается в глаза одна «странность» гроссмейстера: он очень не любит проигрывать. Чаще всего он проходит соревнование без проигрыша или с одним, максимально двумя поражениями.

И вот настал цикл 1973—1975 годов. В какой-то успех Карпова многие уже верили, но не в абсолютный. Наш самый высокий авторитет по вопросам первенства мира — экс-чемпион М. М. Ботвинник — тогда предполагал, что только в 1978 году Карпов сумеет сказать свое веское слово. А как считал сам Карпов в 1973 году? Трезво учитывая исключительно сильную конкуренцию, свою молодость и отсутствие опыта, Анатолий скромно заявил: «Это не мой цикл». И такой же точки зрения придерживался его замечательный тренер и друг, гроссмейстер С. А. Фурман.

По воле жребия Карпову в четвертьфинале турнира претендентов достался гроссмейстер, имеющий опыт матчевых встреч, — Лев Полугаевский. Встреча с ним была для Карпова как бы первой матчевой репетицией. Репетиция Карпову удалась на «отлично». Уже после восьмой партии он выполнил спортивную задачу: при трех победах Карпова и пяти ничьих матч был окончен. Анатолий Карпов пробился в финал. После матча я спросил у С. А. Фурмана:

— Вы же с Анатолием заявили, что это не ваш цикл?

Всегда спокойный, любезный, добродушный Фурман ответил в своем стиле:

— А может быть, Карпов просто пошутил?

После двухмесячной передышки Карпову предстояло очень трудное испытание в полуфинале с одним из самых опытных борцов в отборочных соревнованиях и в матчах на первенство мира.

Полуфинальный матч состоялся в Ленинграде во Дворце культуры им. Ф. Дзержинского, в зале, с которым у Карпова связаны приятные воспоминания (по итогам межзонального турнира 1973 года). Первую партию Карпов проиграл, но оставался удивительно хладнокровным. Матч он провел блестяще, еще увереннее, сильнее, чем встречу в четвертьфинале. В острейшей, напряженной борьбе Карпов победоносно закончил этот матч: уже после

одиннадцатой партии счет был 4:1 при 6 ничьих, и поединок завершился досрочно.

Побеждены опытные, серьезные соперники. Теперь можно и отдохнуть. Но когда же отдыхать, если уже через четыре месяца начнется финал? Таков регламент ФИДЕ, расписание, которое отнимает у участников турнира претендентов массу сил. Хорошо бы Карпову отдохнуть от шахмат, но надо серьезно готовиться к матчу с соперником, который ревниво, недружелюбно относился к молодому шахматисту.

Подготовка гроссмейстера включает не только занятия за шахматной доской, но и в спортивном зале. Физическое состояние Анатолия Карпова часто вызывало беспокойство у его друзей. В хорошей книге А. Котова о творческом пути Карпова «Уральский самоцвет» автор вспоминает, как много лет тому назад на одной лекции М. Ботвиннику задали вопрос: может ли чемпион мира среди юношей — Карпов — стать чемпионом мира среди взрослых? Ботвинник ответил шутливо: талант Карпова значителен, но в истории не было еще чемпиона мира, который бы весил меньше пятидесяти килограммов. Но когда об этом ответе Ботвинника узнал С. Фурман, он сказал: «А у Толи уже пятьдесят один килограмм!»

Поскольку разговор зашел о весе шахматиста, то мне хочется вспомнить о диалоге между двумя известными гроссмейстерами прошлого — Е. Боголюбовым и Р. Рети.

- Вы никогда не будете чемпионом мира,— сказал Боголюбов.
- Почему? — спросил Рети.
- Потому, что вы слишком толсты.
- Но вы ведь толще меня,— парировал Рети.
- Да, это так, но я ведь Боголюбов!

Не стали чемпионами мира ни Рети, ни Боголюбов. Последнему мешал не столько лишний вес, сколько А. Алехин.

Все разговоры о том, что Карпов физически слаб, не имеют никаких оснований. Карпов умеет достигать отличной физической формы.

Осень 1974 года. Москва. Колонный зал Дома союзов. Впервые Карпов выступает в таком торжественном зале, впервые он играет перед такой большой аудиторией, и она еще расширится после переезда в зал имени Чайковского. Но дело не в зале. Впервые в своей практике Карпов выступает в такой напряженной атмосфере, когда, как говорится, на него смотрит весь мир. Анатолий понимает всю ответственность, все трудности спортивной борьбы и по телевидению заявляет, что его «ждет трудный бой с очень сильным противником». А что сказал его противник? На весь мир, также по телевидению, он заявил, что матч, рассчитанный на 24 партии, закончится уже после 17-й партии его победой.

Полагаю, нет необходимости подробно вспоминать напряжение

этого матча. Стоит только отметить, что Карпов нарушил все планы противника и добился победы во второй партии, затем в шестой, а потом и в семнадцатой. После двадцать четвертой, последней партии Карпов обеспечил себе победу 3:2 при 19 ничьих.

Одержав важнейшую победу, Карпов вскоре начал подготовку к матчу с Фишером. Шахматный мир предвкушал удовольствие увидеть встречу двух выдающихся гроссмейстеров. Но Фишер начал вести с ФИДЕ сперва холодную, а потом и горячую войну. Карпову так страстно хотелось сыграть с Фишером, что он согласился на все его условия, кроме одного: при счете 9:9 чемпионом остается Фишер. Нет, нет, это уж слишком! Практически это означало, что его надо побеждать с разницей в два очка. ФИДЕ назначила Фишеру срок для ответа до 1 апреля 1975 года, но американец молчал. И вот, согласно правилам, утром 3 апреля президент ФИДЕ профессор М. Эйве в Амстердаме провозгласил Анатолия Карпова новым чемпионом мира.

24 апреля 1975 года в величественном Колонном зале Дома союзов Карпов был официально и торжественно провозглашен двенадцатым чемпионом мира. Лавровый венок лег на плечи 24-летнего гроссмейстера. На этой торжественной коронации нового чемпиона мира президент ФИДЕ Макс Эйве заявил, что он восхищен выдержкой Карпова, его глубокой порядочностью и спортивными качествами.

Чемпион мира Анатолий Карпов в своем выступлении поблагодарил всех, кто ему помогал подниматься на Олимп. Одно заявление Карпова произвело особенно большое впечатление. Он сказал: «Мне кажется, что одна из главных обязанностей чемпиона мира — быть играющим шахматистом, чтобы люди разных стран видели чемпиона за шахматной доской, а гроссмейстеры и мастера могли бы помериться с ним силами, поучиться у него и научить кое-чему его самого. Поэтому я твердо намерен систематически выступать в отечественных и международных соревнованиях».

Данное им обещание Анатолий Карпов неуклонно выполняет.

1978 г.

МОСКОВСКАЯ ШАХМАТНАЯ СИМФОНΙΑ

Москва, Москва! Столица Советского Союза, столица шахматного мира, город олимпийский. Стать победителем турнира именно в Москве для любого шахматиста особенно приятно, почетно.

14 выдающихся гроссмейстеров (7 из них входят в первую десятку сильнейших шахматистов мира!) мечтали о победе. Нет, точнее, 13 мечтали, а один был обязан победить. Это Анатолий Карпов. Не только потому, что он чемпион мира. Карпов победил в десятках

турниров. Но дома в турнире с таким великолепным, сильным составом он играл впервые. Карпову хотелось победить, причем убедительно и красиво. Спортивную и творческую задачу Анатолий Карпов выполнил с блеском. Каждая из его пяти побед является жемчужиной шахматного искусства. Все вместе — чарующая симфония в виртуозном исполнении автора — Анатолия Карпова.

Право судить такой супертурнир является большой честью. Судейство на шахматном турнире имеет свои плюсы и минусы. Минусы в том, что три недели подряд надо... молчать. А плюсы в том, что арбитр может находиться и на сцене и за кулисами. Несколько слов о кулисах.

Недалеко от сцены имелась комната для участников. В этой комнате шла интереснейшая шлифовка — анализ после партии. Поэтому вернее всего назвать эту комнату лабораторией.

Есть категория шахматистов, которые в случае победы хотят доказать, что у противника была безнадежная позиция чуть ли не после первого хода. Таких иногда называют «звонарь». Не такой человек Карпов. Впервые я имел возможность наблюдать, как анализирует, как беседует чемпион мира со своими соперниками сразу после партии. Он ведет диалог со своим оппонентом, с окружающими (всегда собиралась группа), как равный с равными. Карпов высказывает свое мнение, внимательно учитывает точку зрения других. Он ищет истину в позиции.

В итоговой таблице, отставая от Карпова на полтора очка, следует московско-закавказская тройка — Каспаров, Полугаевский, Ласкер... нет, простите, Смыслов!

Я совсем не оговорился. Блестящий успех экс-чемпиона мира Смыслова явно ассоциируется с фантастическим результатом доктора Э. Ласкера в Москве на турнире 1935 г., когда он, не потеряв ни одного поражения, занял третье место в возрасте 67(!) лет. Василий Смыслов — новый Ласкер! Нет, ему до Ласкера еще далеко (в смысле возраста, конечно). Он еще молод, и пока ему будет 67, он еще не один раз покажет, что такое Смыслов!

У нас в спорте есть прекрасные звания. Например, «заслуженный мастер спорта». Но, к сожалению, есть и такое слово (терпеть его не могу) «ветеран». Плохо, когда у человека-спортсмена появляются седые волосы (а как можно этого избежать?) и ему намекают: не пора ли уйти на пенсию?

До начала турнира в кулуарах был слышен шепот: «Смыслов? Зачем? Подарок к шестидесятилетию?!» А молодые «знали», чем это кончится: Василий Васильевич займет одно из последних мест...

Браво! Браво, Вася! Вы здорово, о, как здорово пересекли эти прогнозы! Теперь скептики, попав в цугцванг, подходят со словами: «Поздравляем, Василий Васильевич, вы играли, как молодой, продолжайте в том же духе!»

Доволен спортивными и творческими итогами должен быть, по моему, Лев Полугаевский. Чего только стоит его замечательная партия с Э. Торре, пожалуй, самая оригинальная в турнире. Шесть лет хранил Полугаевский в своем сейфе теоретическую новинку (вот выдержка, терпение!), пока не продемонстрировал ее на сцене великолепного зала. А как мощно провел Полугаевский партию с железным Тиграном Петросяном!

Мне кажется, доволен должен быть и Гарри Каспаров. В прошлом году Г. Каспаров завоевал звание чемпиона мира среди юношей, попал в первую десятку мира. Многочисленные поклонники бакинца надеялись, что он может составить даже конкуренцию Карпову. Когда волею жребия определилось, что партия Карпов — Каспаров состоится в последнем туре, то шутники говорили: «О, что будет, что будет! Партию надо будет провести на стадионе!» Однако победа Карпова в турнире не вызвала сомнения уже за пять туров до конца. И спортивного конфликта не получилось.

Лучше всех из иностранных гроссмейстеров сыграли Ф. Георгиу и Л. Портиш. Свои 7 очков они добыли разными путями. Венгерский гроссмейстер в острой борьбе: он проиграл две партии, но выиграл три. Портиш подтвердил репутацию одного из сильнейших шахматистов мира.

А как же его попутчик в турнирной таблице — Георгиу? Часто на турнире задавали вопрос: почему процент ничьих высок? Не знаю. Выросла техника защиты? Это верно. Но резонно возражают любители шахмат: а почему не возросла техника атаки?

Шахматисты сегодня стараются не потерять, не снизить свой коэффициент по системе «Эло», ибо без высокого «Эло» ты сегодня не котируешься как шахматист. Точно никто не может объяснить ничейную проблему и как с ней бороться.

В 1862 г. был турнир в Лондоне, в котором ничейные партии переигрывались. Представляете себе, уважаемые читатели, что было бы теперь при таких правилах? Георгиу в таком случае пришлось бы обеспечить постоянную пропиской в Москве! На торжественном закрытии я отрекся от звания «ничейного короля» и передал этот титул в надежные руки Флорина Георгиу, ничейного короля московского турнира. Но пожелал Флорину, чтобы он как можно скорее избавился от этого звания.

Антипод Георгиу — это Александр Белявский. Предлагать ему ничью почти бесполезно — можно нарваться на отказ. Чемпион СССР всегда борется с колоссальным напряжением, напором, со спортивной злостью. Помню, как в последнем туре в Бадене (около Вены) банкет подошел к концу, а Белявский допоздна сражался, пока не добился выигрыша, кстати, именно с Георгиу. Никаких ничьих! Характерно, что и в московском турнире Белявский сделал последний ход в партии со Смейкалом, но на этот раз, к его огорчению, — ничья.

С завидным спокойствием сражался Юрий Балашов. Если вспомнить события и приключения турнира, то у Балашова, больше чем у кого-либо другого, имелись основания расстраиваться, терять покой и сон. Какой страшный шок перенес Юрий в партии с Тимманом! Тем, кто не был на турнире, напомним: в позиции, даже получше для Балашова, он не успел перевести часы, и флажок на часах упал на контрольном сороковом ходу. По правилам в таком случае засчитывается поражение. Таков закон, таковы суровые правила. В наш век цена времени очень высока.

В шахматной жизни правила были не всегда такие суровые и просрочка времени не обязательно означала поражение. На турнире в Нюрнберге 1906 г. введен был такой пункт: шахматист в цейтноте даже после падения флажка имел право за небольшую плату купить добавочные пять минут. Правда, это не всегда помогало. Так, например, польский мастер Д. Пшепюрка, состоятельный человек, истратил солидную сумму на покупку времени, но все же занял одно из последних мест.

Думаю, что Юрий Балашов с удовольствием заплатил бы энную сумму не за пять минут, а даже за одну секунду.

Шведский гроссмейстер Ульф Андерссон старается соблюдать нейтралитет: ты меня не трогай, я тебя не трону. Но если тронуть, то он — такой маленький, симпатичный — защищается, как лев. Каспаров, например, после партии с Андерссоном заявил, что, с одной стороны, огорчен, конечно, но с другой — в восторге: «Как это Андерссон мог устоять? Любой другой бы давно капитулировал!»

Кому не повезло, так это Тиграну Петросяну. Турнир провели в самое неудобное время для Тиграна. Часто я замечал, как Петросян нервно смотрит на часы — не шахматные, а ручные. В мыслях он был со своим «Спартак» на футбольном поле, а его отвлекали... шахматы. Он делает ничью, и «Спартак» делает ничью с минским «Динамо». В другой раз ему надо быть в Роттердаме на матче «Динамо» (Тбилиси) с голландским «Фейеноордом», а его опять отвлекают... шахматы. На финише ему хотелось сидеть у телевизора, наблюдать за нашими хоккеестами в Гётеборге, а Белявский его отпускает домой только в полночь. Учитывая такую нагрузку, Петросян сыграл ниже своих возможностей. В другой раз, не в разгар футбольно-хоккейного сезона, Тигран себя покажет!

Самая большая неожиданность — неудача Тиммана. Кто мог ожидать, что он, регулярно занимающий высокие места, он, с высоким «Эло», будет в хвосте турнирной таблицы? Не беда для него. Теперь так часто организуются турниры, что Тимман сможет взять реванш.

Попасть в московский турнир — это уже успех. Для Торре московский турнир — хорошая школа. На московском турнире в 1925 году мексиканец Карлос Торре победил Э. Ласкера в сенсационной партии, которая вошла в учебники под названием «мельница». А теперь его однофамилец — филиппинец Эугенио Торре

стал соавтором Карпова в изумительном эндшпиле, который Карпов спас чуть ли не этюдным способом.

Знаменитым «цейтнотчиком» является чехословацкий гроссмейстер Ян Смейкал. Загадка для зрителей: если Смейкал постоянно попадает в цейтнот, то зачем он к тому же еще каждый раз опаздывает на игру? Смейкал на этот вопрос отвечает философски: «Я попадаю в цейтнот не потому, что времени мало. У меня не хватает решительности избрать тот или иной ход. Так я лучше перед партией лишних полчаса посплю. Цейтнота не избежать все равно».

С давних пор хорошо известно, что на турниры в Москву получить приглашение — большая честь для шахматиста любого ранга. Такой чести был удостоен английский гроссмейстер Э. Майлс. Но в последний момент он отказался, не объяснив причину. Если англичанин полагал, что кому-нибудь в Москве испортит настроение, то сильно ошибся. Неджентльменский поступок Майлса — плохая реклама для тонкого английского юмора.

Под номером 14 вместо Майлса в турнир был включен Е. Геллер — слишком крупный шахматист, чтобы играть роль дублера. Попробуем войти в его положение. Результат Геллера можно воспринять так: он прикидывал, что Майлс в турнире набрал бы четыре очка. Вот Геллер их и набрал. В следующий раз, когда Геллер уже будет выступать за себя, а не за Майлса, — другое дело.

Супертурнир в Москве прошел во всех отношениях на самом высоком уровне. Москвичи — народ избалованный. Турниры, матчи на первенство мира всегда организовывались в прекрасных залах. Музей изобразительных искусств, Колонный зал Дома союзов, Концертный зал им. Чайковского, Театр эстрады, Театр им. Пушкина. И вот шахматная Москва с огромным удовольствием познакомилась с новым шахматным адресом: Краснопресненская набережная, 12, Центр международной торговли и научно-технических связей с зарубежными странами. Все участники в один голос отметили: в таких идеальных условиях нам еще ни разу не приходилось играть.

Для судейской коллегии турнир прошел, как и следовало ожидать, без каких-либо приключений. Не было и намека на малейший инцидент. Публика за хорошее, бесшумное поведение заслуживает только пятерки.

Творческий урожай богатый. Есть прекрасные партии. Есть чему учиться, есть чем восхищаться. Наш московский турнир принадлежит уже истории. Надолго, навсегда.

1981 г.

**В СЕРИИ «БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» В 1984 г.
ВЫШЛИ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ:**

1. С. ВАСИЛЬЕВ. Россия. *Стихи.*
2. А. АЛЕКСИН. Ночь перед свадьбой. *Повесть и рассказы.*
3. А. ГОВОРОВ. Свидание. *Стихи.*
4. Б. ПРИВАЛОВ. Необычайные приключения хорошо сшитого костюма.
5. В. ДЕСЯТЕРИК. Обращаясь к Ленинской мысли.
6. Е. ВИНОКУРОВ. Космогония. *Стихи.*
7. А. ИВАНОВ. Повесть о несбывшейся любви.
8. А. АЛЬ-ХАМИСИ. Любимая! Когда б они смогли... *Поэмы.*
9. С. ШЕРИПОВ. Волшебная дорога.
10. С. ПОДЕЛКОВ. Ожидание журавлей. *Стихи.*
11. В. ЛАЗАРЕВ. Уроки Василия Жуковского. *Очерки.*
12. Я. МАКАРЕНКО. Высшая проба. *Очерки.*
13. М. КОЛОСОВ. Костер. *Рассказы.*
14. В. МАРБАНОВ. Шакалы в стае волков.
15. К. БАРЫКИН. Монолог некапризного покупателя.
16. Л. ЛЕНЧ. Она была красивая женщина. *Повесть и рассказы.*
17. Н. СКАТОВ. Русский гений.
18. С. ВИШНЕВСКИЙ. Сенокос. *Стихи. Перевод с марийского.*
19. И. ШТОК. В небе моей юности. *Рассказы драматурга.*
20. М. ШЕВЧЕНКО. Дорога через руины. *Повесть.*
21. В. ПОВОЛЯЕВ. А вам встречались в жизни чудачки? *Рассказы.*
22. ТУРАБ ТУЛА. Слово старого чинара. *Стихи. Перевод с узбекского.*
23. Ю. КАРЯКИН. Достоевский.

24. Э. РАНДРИАМАМУНДЗИ. Утро придет. *Перевод с малагасийского.*
25. Н. РОДИЧЕВ. Городищенский парень. *Рассказы.*
26. В. МАРЬЯНОВСКИЙ. Романс для буренки. *Юмористические рассказы.*
27. Г. РАМАЗАНОВ. Покоя нет.
28. А. ЛИХАНОВ. Нежеланные, или мать чужих детей.
29. Л. ШИКИНА. Истоки. *Стихи.*
30. В. КОЧЕТОВ. Памятник другу. *Рассказы.*
31. В. НИКОЛАЕВ. Американские парадоксы. *Очерки.*
32. И. МЕСХИ. Проблемы, проблемы!..
33. А. КРИВИЦКИЙ. Злоба дня и вечность.
34. Ю. ГРИБОВ. Бредень в мелкую ячейку. *Повесть и очерки.*
35. М. БЕЛЯЕВ. Бронник древних ливен. *Стихи.*
36. А. ПАРПАРА. Раздумье о Родине. *Стихи.*
37. И. ПИРОГОВА. Ты и никто другой. *Очерки и статьи.*
38. Е. ЕВСЕЕВ. Палестинцы — непокоренный народ.
39. Ю. НОВИКОВ. Улица полна света. *Рассказы.*
40. Ю. СЕМЕНОВ. Пересечения. *Повесть и рассказ.*
41. Р. ЛИХАЧ. Впереди было лето... *Рассказы и очерк.*
42. Е. РЯБЧИКОВ. За горизонтом — горизонт. *Рассказы и очерки.*
43. А. ШЕВЕЛЕВ. Всем сердцем. *Стихи.*
44. Т. КАЛУГИНА. Пути восхождения. *Книга о Н. К. Рерихе.*
45. А. ЖАРОВ. Весне навстречу. *Стихи.*
46. Е. ОСЕТРОВ. Записки старого книжника.
47. Г. САФИЕВА. Ради тебя. *Стихи.*
48. В. ЗАХАРЧЕНКО. Моя кардиограмма. *Стихи.*
49. Н. ЛЕЙКИН. Театральные портреты.
50. М. АНГАРСКАЯ. Всепобеждающая жизнь. *Воспоминания о Вс. Вишневском.*
51. М. КОТОВ. Доброе имя. *Очерки.*
52. С. ФЛОР. Часы не остановлены. *Статьи и этюды о шахматистах.*

СОДЕРЖАНИЕ

Сквозь призму полувека	3
Мой Ласкер	9
Из Москвы в Гастинге	12
В шахматном мире	16
Ноттингем	19
Одна моя памятная партия	26
Радиоматч СССР — США	29
Успехи советской шахматной школы	31
Нужны ли шахматные акробаты?	35
Анатолий Карпов — вчера, сегодня, завтра	38
Московская шахматная симфония	41

Саломон Михайлович ФЛОР

ЧАСЫ НЕ ОСТАНОВЛЕНЫ

Составители В. Я. Дворкович и Т. П. Флор

Редактор Ю. С. Новиков

Технический редактор О. Н. Ласточкина

Сдано в набор 02.10.84. Подписано к печати 10.12.84. А 00470.
Формат 70 × 108^{1/32}. Бумага газетная. Гарнитура «Школьная».
Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,10. Учетно-изд. л. 3,06.
Усл. кр.-отт. 2,28. Тираж 90 000 экз. Изд. № 3010.
Заказ № 3608. Цена 20 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография
газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва,
А-137, ул. «Правды», 24.

АККРЕДИТИВ

● Аккредитив сберегательной кассы — удобный способ хранения денег в пути: при поездке в отпуск, командировку, при переезде из одной местности в другую

● Аккредитив является именованным документом, по которому можно получить деньги в сберегательной кассе любого города или района.

● Сберегательные кассы выдают аккредитивы двух видов: на любую сумму до 3000 рублей включительно и на сумму в 300 рублей. Деньги по аккредитиву до 3000 рублей выплачиваются сберегательной кассой в полной сумме, на которую был выдан аккредитив. Если владелец такого аккредитива пожелает получить только часть денег, то на оставшуюся сумму ему выдается новый аккредитив. По аккредитиву в 300 рублей можно получить деньги в полной сумме или частями, по 100 рублей. Для получения денег по аккредитиву установлен четырехмесячный срок со дня выдачи аккредитива. После этого срока оплата аккредитива сберегательной кассой может быть произведена в течение трех лет только с разрешения управления Гострудсберкасс области, края или республики, название которого указано на бланке аккредитива

● При получении денег по аккредитиву его владелец должен предъявить в сберегательную кассу паспорт или заменяющий его документ.

● Владелец аккредитива может доверить получение денег по аккредитиву другому лицу.

**Российское республиканское
Главное управление
Гострудсберкасс СССР**